

ВИКТОРИЯ ПОБЕДИНСКАЯ

ПАРАДОКС СЕВЕРА

16+

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Виктория Побединская

Парадокс Севера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385846

SelfPub; 2022

Аннотация

Не смотри ему в глаза. Не обращай по имени. Не нарушай установленные им правила. А иначе наказания не избежать. Он – самый популярный парень академии, расчетливый и надменный. Его боятся, его хотят, ему поклоняются. Он тот, кто устанавливает свои правила. Она простая студентка. И правила эти ненавидит. Также сильно, как и его самого. Девушка из бедного района, чей жизненный принцип «бей или беги». Но сколько бы она не бежала от прошлого, когда-нибудь с ним придется столкнуться лицом к лицу. И понять, каково это – любить и ненавидеть, по правилам и без.

Содержание

Глава 1. Карточная долина	6
Глава 2. Мне конец!	29
Глава 3. Парадокс Севера	38
Глава 4. Первое предупреждение	43
Глава 5. Ан гард	53
Глава 6. Тебя предупреждали, Лапуля	58
Глава 7. На противоположном полюсе (Север)	68
Глава 8. Разница между нами (Страж)	80
Глава 9. Планы и неудачи	88
Глава 10. Подруги и юбки	94
Глава 11. День отмщения	100
Глава 12. Девочка с ведром	108
Глава 13. Счёт равный	113
Глава 14. Долги надо возвращать (Север)	121
Глава 15. Больной извращенец	126
Глава 16. Свидание	131
Глава 17. Тайны во тьме	138
Глава 18. Чёрная карточка	145
Глава 19. Правду наружу!	150
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Виктория Побединская

Парадокс Севера

Север.

Пять букв, которые могут разрушить твою жизнь и разбить сердце.

Но сейчас не о нем. Хватит!

Я абсолютно точно не хочу рассказывать вам о наглom, высокомерном парне, чье самомнение настолько велико, что потягалось бы с Останкинской башней.

Здесь, у самой границы Польши и Калининграда, в элитной академии, которую я назвала про себя «Карточной долиной», никто не смог бы его остановить. Потому что только он один не побоялся устанавливать собственные правила.

Не смотри ему в глаза.

Не обращай по имени.

Не нарушай законы, большая часть из которых настолько нелепы, что вы не найдете ни одной разумной причины для их существования.

Вот только незнание не избавляет от наказания, которому всегда предшествовали... карточки. Почти как на футбольном поле. Прямоугольный кусок картона, с помощью которого так просто вертеть чужими судьбами.

Желтый цвет – предупреждение. Но только дважды.

Следующий – красный. Наказание.

Все началось в день, когда у моих ног, словно оторванный от ветки лист, медленно приземлилась самая редкая – чёрная карточка, означающая «тебе конец». Еще никто, получив ее, не возвращался обратно.

Никто, кроме меня...

Глава 1. Карточная долина

Несколькими месяцами ранее...

Понедельник явно не задался. Хотя, судя по лицам тех, кого я успела разглядеть по дороге в аудиторию, для здешних учеников учеба совсем не казалась испытанием.

Семестр был в разгаре, а я только вернулась с очередных соревнований. «Придется нагонять», – подумала, сжимая в руке бумажку, написанную быстрым почерком тренера.

«Основной корпус. Комната 202. Твои чемоданы и форму доставят».

Я мимоходом взглянула на свое отражение в зеркальной колонне холла и поправила широкую блузку, заправленную в джинсы. Пусть она и была на пару размеров больше, чем требуется, я урвала ее на распродаже всего за треть от цены. Вот только поделиться столь незначительной победой в месте, как это, было не с кем. У местных девушек туфли стоили больше, чем весь мой гардероб.

Несмотря на то, что академия позиционировалась как заведение, в котором не делали различий между высшим светом и бедняками, оказавшись здесь, я поняла, эта затея – не больше, не меньше, утопия. Богатство не скроешь, как бы сильно ты не старался. Оно кричит о себе блеском начищенных туфель и какой-то нереальной, космической белизной рубашек, сверкающими на запястьях часами и россыпью

крошечных брильянтов на пальцах.

Но со стороны попытки администрации уравнивать нас выглядели очень благородно. Каждое лето учредительский совет торжественно вручал десять стипендий, одну из которых умудрилась ухватить и я. Но не за успехи в учебе. Все снова решил спорт, ведь местная команда шпажистов находилась в плачевном состоянии. Для меня же фехтование давно стало жизнью. Войной в миниатюре, что я упорно вела последние несколько лет.

Зажав между зубами резинку, я собрала волосы в хвост, разгладив тяжелые темные пряди пальцами. Я любила свои волосы, густые и блестящие. Их, вместе с оливковой кожей и острыми скулами, я унаследовала благодаря восточной крови матери. Дерзкий и непокорный нрав достался в придачу. Мобильный загудел. Пришло сообщение.

«Покажи им всем!» – написала бабуля, не забыв добавить в конце смайлик из сложенных в козу пальцев.

Я улыбнулась. Несмотря на восьмой десяток она умудрилась освоить мессенджер, чем очень гордилась. Но напечатать ответ не успела, меня толкнули, и телефон, словно кусок мыла, выскользнул из рук.

Сотовый мой был ужасно древним. Купленным еще три года назад на первые заработанные на соревнованиях деньги. Новый на горизонте не предвиделся, так что я бросилась за ним, мысленно молясь, чтобы экран остался цел. Нагнала беглеца только у шкафчиков, рядом с которыми сто-

ял парень, перекладывая книги в свой рюкзак. Я присела на корточки, стараясь не задеть головой раскрытую дверцу, но неожиданно мне в руки приземлился конверт из тонкой бумаги, внутри которого лежала желтая карточка.

Поднявшись, я протянула странное послание парню.

– Ты уронил.

Он повернул на меня взгляд, округляя глаза, а потом замотал головой.

– Это не мое.

Я оторопела.

– А чье?

Мы молча уставились друг на друга.

Незнакомец оказался симпатичным. Высокий, широкоплечий, с очаровательными ямочками на щеках и волосами цвета темной меди. Вот только вел себя странно.

– Убери, – шикнул он, заталкивая конверт мне обратно в руки.

Я покачала головой:

– Прости конечно, но это не мое, так что разберись сам, ибо...

– Лапуля права, – раздался за спиной насмехающийся голос. И только тогда я поняла, что вокруг вдруг стало слишком тихо. Как лес замирает перед стихийным бедствием, ученики академии умолкли разом. Как будто кто-то умелой рукой скрутил громкость. – Ломовой, это послание тебе.

Я обернулась, и тут же, чуть не вписавшись носом в плечо

незнакомца, отшатнулась.

Парень рассмеялся.

Он подкрался незаметно и теперь стоял прямо передо мной, надменно глядя сверху вниз. Возрастом мой ровесник или чуть старше, высокий и худой как английская борзая. Манерным жестом заправил длинную челку назад, изогнув губы в луковой полуулыбке и произнес:

– Отойди, Лапуль, чтоб не зацепило. А то случаи бывают разные. Иногда травмоопасные.

Я растерянно заморгала, но послушалась.

– Считай это предупреждением, – донесся с другой стороны голос, более низкий и серьезный. Захлопнув дверцу шкафчика, к нам подошел еще один студент. Он был выше первого, с черными, коротко стриженными волосами и почему-то в темных очках.

– Остынь, Страж, – произнес тот самый Ломовой, которому предназначалось послание.

– Просто напоминаю, это последнее предупреждение.

– Чтобы ты был благоразумен.

А потом эти двое развернулись и ушли. Также неожиданно, как и появились.

Все вокруг снова ожили. Коридор наполнился звуками и девчачьим смехом.

– Что это было? – оторопела я.

– Не обращай внимание. Просто мажоры развлекаются. На стипендии? – спросил парень, окинув меня с головы до

ног оценивающим взглядом. Я кивнула. Странно, но факт, которым по праву я должна гордиться, в стенах Карточной Долины почему-то звучал почти непристойно. Как оскорбление.

По его лицу скользнула ухмылка.

– Отличница, значит?

– Не совсем. Шпажистка. Буду выступать за местную команду.

– Тогда мы подружмся, – протянул он руку. Холодность, пару минут назад скользившая в его взгляде, странным образом испарилась. Ее сменила дружелюбная улыбка. Золотистые искорки заплясали в глазах. – Павел Ломовой. Номер Восемь. Местная баскетбольная команда. Приходи болеть. В этом году мы возьмем кубок.

– Амбициозное заявление, – ответила я. – А основная специализация?

– Перевозки и транспорт. – Мне нравилась его улыбка. Она выглядела дружелюбно.

– Идем, провожу.

Я кивнула, уже по дороге спросив:

– А что это было? С теми парнями. И что за карточки?

Он приоткрыл для меня дверь общежития, пропуская вперед.

– Забудь. Просто повздорили во время последней игры, вот и цепляются. Не все умеют распоряжаться властью.

– Чувствую, здесь будет весело.

– Обхохочешься, – ответил Павел. – Кстати о веселье. Наша компания собирается сегодня вечером, придешь? Отпразднуем начало учебного года.

– Подумаю, – ответила я, остановившись возле двери собственной комнаты. Она оказалась прямо в конце коридора, рядом с пожарной лестницей. Я сверила табличку с номером на брелке и вставила ключ в замочную скважину.

– Отлично, тогда зайду в девять!

– Эй, – я против воли рассмеялась. – Разве я сказала «да»?

– Но и «нет» ты не сказала тоже. Так что до вечера! – Паша поправил на плече лямку рюкзака, и обернувшись, крикнул напоследок: – Кстати, как тебя зовут?

– Диана, – ответила я, улыбнувшись, и закрыла за собой дверь.

Внутри было тихо. Друг напротив друга стояли кровати, разделённые широким совершенно пустым столом. Вот только стол был один, а шкафов для одежды – четыре. Видимо, вопрос куда вешать гардероб в этом месте актуальнее того, где выполнять домашние задания.

Левая половина комнаты словно сошла с экрана молодежных американских фильмов. Плакаты, планеры, огромные бумажные цветы на стене и даже пара черлидерских помпонов, хотя в академии, насколько мне известно, и черлидеров-то никогда не было. Моя на контрасте напоминала койку из приюта. Пустые стены, и голая, не заправленная кровать. Хлопнула дверь.

– О, приветик!

У вошедшей девушки оказались зеленые как изумруды глаза и светлые волосы до пояса, настолько гладкие, что казалось будто их только что отполировали. От нее пахло шоколадным печеньем и мармеладными мишками, да и она сама была похожа на завёрнутую в блестящую обертку конфетку.

– Леся, – протянула девушка тонкую руку, на запястье которой позвякивало минимум два десятка браслетов. – Старостина. Не потому что староста, потому что фамилия такая. Дурацкая.

– Диана, – улыбнулась я в ответ.

– Я тут уже заняла, давай помогу разложиться. – Не дожидаясь ответа, она схватила мою сумку и принялась старательно доставать оттуда вещи. – Отец сказал, чтобы я научилась быть более приземленной. Если ты понимаешь, конечно, о чем я.

– У вас комнаты просто мрак, – под «нами» она очевидно имела ввиду стипендиатов, – Как кладовка, ей Богу. Но раз я поступила на социологию, то вроде как должна быть ближе к простым людям. Надеюсь, ты не против?

Молча моргая, я кивнула, уставившись как это чудо выгребает из сумки мои скромные пожитки.

– Зачем тебе столько книг? Здесь все необходимое выдают.

– Это не учебники, – хотела ответить я, но из справочника по спортивным травмам выпала фотография, и прежде, чем

я среагировала, Леся успела ее перехватить.

– А это кто? Твой парень?

– Он... нет... не совсем...

К подобным расспросам я явно не была готова.

– Симпатичный.

Открыв ящик и достав оттуда кнопку, она приколола фото к пробковой стене над столом.

– Пусть здесь висит. Да, собирайся, мы опаздываем.

– Куда?

Я принялась мысленно перебирать поводы, по которым могла бы отказаться, но взгляд Леси не оставил мне даже шанса.

– Там, где нас уже ждут, – подмигнула девушка и скрылась в ванной.

За время учебы в школе я не была ни на одной вечеринке, поэтому нервничала. Пока мы шли до места, соседка без остановки жаловалась, что новый тон метеоритов от Герлен совершенно не видно на коже. Я понятия не имела, как метеориты можно размазать по лицу, не говоря уже о том, как вообще поставить их в одну связку со словом «кожа», но периодически кивала, делая вид, что понимаю, о чем речь.

– Нам сюда. – Из-за двери доносились звуки музыки и голоса. – Не отходи от меня ни на шаг.

Я и не собиралась.

– Кстати, выглядишь отлично.

До Леси в ее коротком платье с V-образным вырезом на

спине мне конечно было далеко, но выглядела я на самом деле неплохо. Сквозь протесты, она нацепила на меня переливающийся топ и черные джинсы в обтяжку. Правда настолько узкие, что я боялась в них даже сесть. Волосы же собрала в хвост, открывая шею и длинные серьги. Тоже принадлежащие Старостиной.

Переливаясь, как новогодняя елка, я не чувствовала себя собой. Особенно в туфлях на каблуке. Но еще до поступления сюда, дала обещание, начать с начала. Так почему бы не сделать это сегодня?

Выдохнув и нацепив на лицо улыбку, следом за Лесей я вошла внутрь.

Место, в котором мы оказались, за комнату общежития можно было принять не сразу. Во-первых, она была больше нашей раза в три. Теперь я ясно осознала, о чем толковала Старостина, ругаясь на скудость комнат стипендиатов. Во-вторых, полной народу. Вокруг толклось такое количество людей, что я почувствовала себя брошенной в муравейник.

Часть ребят, сидя прямиком на полу, во что-то азартно играли и громко смеялись. Кто-то зажимался в углу. Кто-то просто тихо беседовал. К последним я и хотела примкнуть, вот только не знала ни души.

Заметивший меня Павел, замахал рукой, подзывая. Если бы я знала тогда, чем это все обернётся, развернулась бы и бежала со всех ног. Но я не знала.

– Что, Ломовой, первый день начался с предупрежде-

ния? – подколот Пашку кто-то. – Ходят слухи, Север собирается тебя турнуть в этом году.

– Бред, – отмахнулся тот. – Если бы он о подобном заикнулся, Макс бы выдал все на вчерашней тренировке.

Я осторожно присела рядом.

– А что этот... Север может здесь что-то решать?

Казалось, я произнесла величайшую в мире глупость. Присутствующие настолько картинно закатили глаза, что это выглядело даже комично.

– Новенькая, – спас меня Паша.

Сидящая напротив блондинка сжала губы и отвернулась, перебросив волосы через плечо. Будто смотреть на меня ей было противно.

– Увидишь, мимо не пройдешь, – произнесла она.

– Я сталкивался с ним лишь однажды, – подхватил парень, рядом с девушкой. – Предпочту не повторять.

– Он псих.

– Да просто у него крыша крепкая.

– Говорят, он сломал девятикласснику три ребра, и ничего ему за это не было.

– За что? – не выдержала я. Только никто не ответил.

– На следующий день бедолага получил черную карточку. Больше его никто не видел.

– В каком смысле?

– В прямом. Он пропал.

Пока присутствующие вдохновенно делились своими ис-

ториями, я лишь молчала, впитывая как губка. И хотя еще ни разу этого Севера не видела, успела послушаться достаточно.

Стильные шмотки, дорогушая машина, а также власть изгнать любого, кто ему не понравится. Некоторые утверждали, что он способен на вещи и похуже, но тут же меняли тему. Те, кто постарше, помнили, как пару лет назад он сам был неуправляемым подростком, регулярно разбивающим отцу автомобили, парням лица, а девушкам сердца. Гулял безбожно, дрался безрассудно, ведь где-то ему сломали обе ноги, – но все это в прошлом.

Одно я поняла точно, никто не произносил его имя безразлично. Это делали либо с ненавистью, либо с опаской, но чаще с нескрываемым восхищением.

– Никогда не видела, чтобы он хромал. По-моему, трость – просто атрибут. Для устрашения.

– Не болтай ерунды, – подхватила та самая блондинка, что мне не понравилась. Было в выражении ее лица что-то отталкивающее. – У него и так достаточно власти сломать кого-угодно. Наоборот, какая требуется сила, чтобы ежедневно преодолевать свою недееспособность.

– Сама ты недееспособная, Ульянов, – съязвил Пашка. – Недееспособные – на голову больные. Хотя тебе, наверное, виднее.

Все громко заржали. Павел подмигнул мне, вгоняя в краску. Девушка же, прищурившись, насупилась. Поняла, что об-

лажалась. И обида буквально сквозила на ее лице. Было занятно наблюдать, как она тут же постаралась перевести тему, скрывая свой промах, но в этот момент я отчетливо поняла, мне среди этих людей не место.

Я окинула взглядом комнату, в поисках Леси, но не нашла. Все принялись играть в правду или действие.

За полчаса я наслушалась пошлостей, насмотрелась диких танцев, оценила минимум три варианта стриптиза, в исполнении первокурсников, от которого все хохотали так, что тряслись стекла, но краем уха продолжала следить за разговором, периодически возвращающимся к компании Севера.

Вторым в ней был Антон Уваров. Девчонки его звали Тон, а парни – Страж. Почему, я так и не поняла, но, увидев сегодня, выяснять не имела не малейшего желания.

Он был следующим в иерархии после Севера, и как болтали, делал только то, что тот ему поручал. Если Севера боялись просто по умолчанию, Страж был законченным садистом и мразью редкостной. Подонком без единого принципа и карающим мечом этого холодного королевства.

Кожаная куртка, пластыри по всему лицу, не заживающие костяшки пальцев. Даже самые отбитые ученики обходили его стороной.

– Я не знаю, что не так с этим парнем. Но по какой-то неведомой причине он никогда не снимает солнечных очков.

– Черт его знает. Может он вообще в розыске.

– Как-то один из новичков, решил выпендриться и при-

перся на пары в черных очках, за что его благополучно выставили за дверь. Когда он выкрикнул: «А почему Уварову можно, а мне нельзя?», преподаватель ответил: «Потому!», и это был самый нелепый поступок со стороны лектора, что я когда-либо видела.

Еще был Макс.

Единственное, что я знала о нем до поступления, что он состоял в местной баскетбольной команде, которая трижды выбралась в четверть финал городских соревнований. Видела пару раз издалека. Сегодня я смогла оценить собственными глазами, почему девчонки шушукались о нем в раздевалках. Лукавый изгиб губ, зеленые глаза, волосы цвета жжёного сахара, которые он старательно зачесывал назад, открывая лицо, совершенно идеальных пропорций.

Что-что, а нехватки в идеальных лицах Карточная Долина не испытывала точно. Красота всегда идет за руку с деньгами.

В кои-то веки я радовалась, что разница между социальным положением моим и этих парней настолько велика, что максимум, что мне грозило, это мельком встретить кого-то из них в коридоре, и то вряд ли они бы меня заметили. Людям их круга некогда думать о других, они заняты переживаниями о том, что другие о них подумают.

Как только я расслабилась и немного освоилась, кто-то выкрикнул:

– Очередь новенькой! Правда или действие?

О, нет! Если судить по молодёжным комедиям, что я успела за последние пару лет посмотреть, всех будет интересоваться интимные подробности моей жизни, а так как говорить мне не о чем, я решила, что лучше пять минут поорать чайкой или исполнить странный танец, чем позор на всю студенческую жизнь и статус последней девственницы королевства.

– Действие! – уверенно ответила я.

– Поцелуй того, кто сидит слева от тебя.

Я в ужасе обернулась. Пашка.

Память против воли вернула меня в пятнадцать.

Ночь. Костер. Спортивный лагерь.

Мое первое путешествие без взрослых, когда я заняла на соревнованиях призовое место и уехала на сборы в Анапу.

Мы точно также играли в фанты, знакомясь друг с другом. Языки пламени отбрасывали на лица в темноте причудливые тени.

– Поцелуй того, кто сидит слева! – выкрикнул кто-то.

Еще никогда в жизни я не целовалась. Ладони вспотели, в горле пересохло, и я судорожно облизнула губы. Сердце колотилось где-то в глотке.

Я повернулась. И вдруг стало так спокойно. На меня смотрели самые тёплые в мире глаза. Поразительно, ведь разве синий цвет может быть теплым?

Пульс застучал в венах. Я прикрыла веки, а в следующую секунду почувствовала мягкое прикосновение губ.

– Пашка давай! – раздался противный крик. Видение рас-

сеялось.

Это не он!

Никто и никогда не будет, как он.

– Нет.

Я отшатнулась от Павла как от прокаженного, отталкивая руками. Вряд ли я смогу поцеловать кого-то теперь. Особенно вот так, на глупой вечеринке.

– Штраф! – выкрикнула я. – Я выбираю штрафное действие.

По комнате побежал шёпот.

– Кажется у нее не все с головой в порядке.

– Дерганая какая-то.

Вот и все! В первый же день умудрилась опозориться. Завтра обо мне станут по углам шептаться.

– Хорошо, раз новенькая такая недотрога, – ехидно усмехнулась одна из девушек-заводил, та самая Ульяна, – вот мое желание: на нулевом этаже в твоём крыле есть бассейн...

Уже с этого предложения ее задание мне не понравилось. С водой у меня были особые отношения. Жгучей ненависти. И желания друг друга уничтожить. Вот только вода побеждала со счетом 2:0.

– Но там же... – рассмеявшись, перебила ее подружка. Ульяна шикнула на нее, и та заткнулась.

– Принеси металлическую крышку от слива. Со дна.

– Что за бред, – внезапно встал на мою защиту Павел. Признаться, я была ему очень благодарна. Несмотря на то,

что опозорила его, отказавшись целовать, он меня спасал. — Ты же знаешь, это невозможно.

— В той части, где расположены тумбы, она совсем крошечная, и не закреплена, — ехидно ответила Ульяна, а потом повернулась ко мне: — У тебя пятнадцать минут.

В ужасе, задыхаясь от стучавшего в горле пульса и потя, я посмотрела на часы. Только желание не опозориться предавало сил и, совершенно не понимая, как это дело проверить, я вышла из комнаты и понеслась вниз по ступенькам. Хваля себя хотя бы за то, что изучила карту кампуса.

Бассейн, слава указателям, я нашла быстро. А вот каблук, что нацепила на меня Леся, пусть и не высокие, оказались на скользкой плитке практически орудием пытки. Я шагала осторожно, пытаюсь не растянуться. Только голову разбить в первую неделю не хватало. Хотя куда хуже будет свалиться в сам бассейн.

Глубина 3.5 метра, прочитала я наклейку у самого его края. Прекрасно. Для человека, который не то, что не умеет плавать, воды боится, как огня, нереальная задача.

Вернусь с пустым руками, вот будет посмешище!

Думай, думай!

И вдруг я услышала плеск воды. С противоположенного конца вынырнул парень. Что он делает тут ночью? Нарушает правила? Хотя, какая разница, разве мне самой можно находиться здесь?

— Эй, — окликнула я его. Вот он, мой шанс не опозориться

в первый же день! – Эй!

Шанс развернулся в воде, провел рукой по лицу, чтобы стереть капли и заинтересованно на меня посмотрел. Первое, на что я обратила внимание – пронзительные глаза, брови взлет и почти идеально пропорциональное, хоть и угловатое лицо. Он не был красив в привычном смысле этого слова. Скорее завораживал.

– Привет, – повторила я чуть громче и уверенней, но не решаясь подойти ближе. Стоило закрыть глаза, воображение рисовало, как я падаю вниз. Перед взором снова разверзлась вода, а я шла ко дну, окруженная пузырькам воздуха.

«Это конец, никто мне не поможет!»

Отгоняя жуткие образы, я потрясла головой.

– Привет, – разрезал тишину мужской голос. Незнакомец подплыл ближе и зацепился рукой за бортик.

Широкий разворот плеч, красивые руки, на которых на секунду задержался мой взгляд. И хотя большая часть тела парня была скрыта водой, я могла четко разглядеть ладно сложенную фигуру.

– Мне нужна помощь, – набралась я смелости, поднимая подбородок. Хотя его тут же пришлось опустить, чтобы посмотреть в лицо незнакомцу, что пристально рассматривал меня, глядя снизу-вверх. Я почти физически ощущала, как от его пристального взгляда по телу покалывают иголки. – Окажешь мне одну услугу?

– С какой стати?

– На кону моя жизнь! – И на скептическое выражение лица в ответ пояснила: – Вечеринка. Пари. Я должна достать со дна бассейна прямо там, где ты сейчас, решетку от сливного отверстия. Иначе буду покрыта позором навечно.

Мне почему-то казалось, он рассмеётся. Пошутит. Каким-то особым мальчишеским способом разрядит неловкую обстановку, повисшую между нами, но парень оставался по-прежнему серьезен.

– Ну так вперед, – оттолкнувшись от бортика, он отплыл назад, раскинув руки в приглашающем жесте.

«Нет. Никогда».

Я попятилась.

Парень посмотрел на меня с непониманием.

– Проблемы?

– Никаких.

– Не умеешь плавать?

– Разумеется умею, – почти обиженно фыркнула я. Хотя это и не было правдой. – Просто, у меня нет с собой купальника. А я не хочу, чтобы... глядя на меня, кому-то приходили в голову дурные намеренья.

И вот тут он вдруг хмыкнул. Нагло так. Вызывающе.

– Считаешь, в твоём случае это возможно?

Не знаю, почему это вдруг задело. Я тут же отмахнулась от мыслей, как от мухи. Самое главное сейчас – достать заклятую решетку и, если незнакомец не поможет, дела мои будут совсем плохи.

Перетерпи. Всего одну минуту.

– Пожалуйста, – попросила как можно мягче. – На самом деле я не люблю вечеринки. И игры эти не люблю. А тут еще и такое задание сложное...

Судя по всему, сказанные доводы его не впечатлили. А вот практически выстраданное «пожалуйста» произвело эффект. Потому что, покачивав головой, парень надел очки для плавания и нырнул. Появился он спустя почти минуту и, о, слава всем святым, в руке его была зажата та самая решетка.

– Ты меня спас, – едва не захлопала я в ладоши. Подошла к краю, и вода, которая выплёскивалась из бассейна, тут же намочила носы моих туфель. Я сделала шаг назад. Слишком близко! Наклонилась и уже протянула руку, чтобы забрать трофей, но схватила воздух.

– Постой! – произнес незнакомец. Он просто наблюдал, но я могла буквально почувствовать исходящую от него уверенность. – Я помог тебе, но мне нужно кое-что взамен.

Я чувствовала, что играю с огнём, но не могла отказаться. Слишком высоки были ставки.

– Что именно?

– Ты окажешь мне услугу, когда это потребуется.

– Да не проблема! Конечно же, – на одном дыхании выпалила я.

– Только предупреждаю заранее, очень опасно становиться моим должником.

И тут я задумалась. Несостоявшийся поцелуй снова про-

несся перед глазами.

– Только не думай, что я буду с тобой спать.

И вдруг незнакомец рассмеялся. Да так неожиданно громко, что я оторопела.

– Я тебя умоляю, – произнес он, протягивая решетку, которую я тут же выхватила из его рук. – Ты сейчас серьезно, ты? – ухмыльнулся он. И ладно бы сказал это в шутку, чтоб поддеть, но нет. Покачал головой, подтянулся на руках, вылез из бассейна, и подхватил полотенце, наскоро вытерев плечи. Всем видом показывая, что это не издевка и не флирт. Это констатация факта. Вот так просто унизил на ровном месте.

И хотя я никогда не считала себя красавицей, обреченно застыла не в состоянии вымолвить даже слова. Он посмотрел на меня как на корзину с грязными полотенцами, куда только что выбросил свое, как что-то совершенно несущественное и не стоящее внимания.

Лучше бы этот безумный монолог в моей голове никогда не продолжался, но я не смогла удержать язык за зубами.

– Какой же ты высокомерный засранец, – процедила я ему в спину и только потом поняла, что зря.

Ночь. Подвал. Бассейн. И никто меня в случае чего не спасет.

Он остановился и медленно повернулся, стягивая шапочку для плавания.

– Прости, что?

Сделал шаг навстречу.

Почему-то взгляд зацепился на россыпь родинок на ключице. Такая чистая светлая кожа, а здесь, у плеча будто кто-то рассыпал их небрежной рукой.

Я не собиралась его разглядывать. Просто сложно не заметить, когда человек перед тобой на девяносто девять процентов не одет.

– Теперь ты еще и пялишься на меня? – К сожалению, это был не вопрос. Его голос был раздражённым и усталым одновременно.

– На тебя? Умоляю, – скользнув взглядом по торсу, я перевела его на глаза. – Да и на что там смотреть, ей Богу, – уже совершенно довольная собой, добавила я.

Конечно, это была ложь, посмотреть было на что. Только сейчас, задрав голову, я смогла оценить, какой парень высокий. И волосы оказались длинными, золотистыми. Гладко зачесанными назад. Он выглядел как эльфийский принц, случайно оказавшийся в нашей реальности. И, судя по выражению его лица, реальность эта ему не особо нравилась.

– Вообще-то, когда тебе кто-то помогает принято говорить «спасибо».

– Да, точно. Спасибо за то, что помог, – щелкнула я в воздухе пальцами. – И за то, что унизил.

– Тебе показалось, – ледяным тоном ответил он. – Успокойся уже и иди отсюда, благодаря судьбу, что я имени твоего не знаю, идиотка.

– Сам идиот, – по-детски огрызнулась я и, наверное, ушла, если б он не устроил очередной виток разборок.

– Да ну? Пять минут назад ты была готова на что угодно, ради идиотского пари на идиотской вечеринке с такими же идиотами, просто чтоб они не считали тебя хуже себя.

Я покрепче стиснула зубы, глядя ему прямо в глаза.

– Ты общаешься с людьми, которые могут унижить тебя лишь потому, что ты не в состоянии отказать в их требованиях. Приходишь на вечеринку, на которую и сама-то идти не хочешь. Играешь в глупые игры, которые в душе ненавидишь, а после этого я – идиот?

Его слова задевали внутри какие-то жутко болящие струны. Наверное, потому что в них была правда.

Я на секунду прикрыла глаза, вздохнула, чтобы прямо перед ним не расплакаться. Лишь бы не заметил, как сильно он меня обидел.

Но зря.

– Ради всего святого, вот только давай без слез. Ты сама знаешь, что сейчас выглядишь убого. На правду ведь не обижаются.

А дальше все произошло слишком быстро. Я вскинула руку, не сдержавшись, и отвесила ему оглушительную пощечину. В тишине пустой комнаты она прозвучала словно гром.

Парень застыл. Его лицо изумленно вытянулось. Он коснулся собственной щеки, которая заметно покраснела.

– Что? Ни разу не получал по лицу? – съязвила я. – Наде-

юсь ты не в обиде на меня?

На секунду показалось, что его глаза даже потемнели от злости. И, чтобы не испытывать судьбу, я решила наконец смыться. Только бросила напоследок:

– Спасибо за помощь. Ты правда здорово меня выручил. – Кажется, я настолько его шокировала, что он промолчал. – Но за пощечину извиняться не буду. Не дурак, видно. А, значит, сам знаешь – заслужил.

Я развернулась, покрепче сжала в руке трофей. Засранцу еще повезло, что я той рукой, в которой решетка, ему по морде не съездила, а потом, гордо подняв голову, удалилась.

Глава 2. Мне конец!

В кафетерии на втором этаже выстроилась очередь. Я не собиралась ничего брать, а вот Леся с самого утра клялась, что уснёт на физике, если не выпьет кофе. В комнату она вчера вернулась даже позже меня. Где соседка пропадала, я не спрашивала. Не привыкла навязываться. Так что лишний раз в ее дела я старалась не лезть, в то время как называть тактичной её можно было с большой натяжкой.

– Ты поэтому Пашку целовать отказалась? – спросила она сегодня утром, кивая на фотографию «моего парня». – Ревнивый что-ли?

Я подошла и, осторожно открепив, убрала фото между страниц книги.

– Не совсем.

– Расстались? Он тебя бросил? – продолжала докапываться Леся, старательно вырисовывая в уголках глаз черные стрелки. – Изменил?

– От тебя не отделаться, да?

– Без вариантов.

Я тяжело вздохнула. Возможно именно по этой причине я так и не завела подруг в старшей школе. Девчачьи разговоры всегда сводились к одному – мальчикам. И каждый раз, доходя до меня, скатывались к одному и тому же. Александру.

Я до сих пор помню день, как бежала на воскресную тре-

нировку, опаздывала, потому что пропустила свой автобус. Распахнув дверь, ворвалась в зал, опустила ладони на колени и согнулась, чтоб немного отдышаться.

– Простите, простите, знаю. Сейчас я дух переведу и начнем.

До соревнований оставалось две недели. Я знала, тренер строго наказывает за опоздания, но на этот раз бранных слов в мою сторону не последовало. Оглянувшись по сторонам, я поняла, зал пуст.

– А где все? Где Алекс?

Тренер тяжело вздохнул, а потом произнес. Таким голосом, которым не разговаривал со мной никогда:

– Его нет.

– В каком смысле нет?

– Вообще нет, Диан. Разбился на машине наш парень. Вчера.

Следующие две недели я ревела белугой, не в силах вытравить из себя то, что нас связывало. Мы были вместе всего несколько месяцев, но даже этого хватило шестнадцатилетней девочке, чтобы поверить в счастливое «навсегда». Тогда мне казалось, что внутренности скрутились и болеть не перестанет никогда, но время лечит.

Когда я закончила рассказ, Леся замерла. Рука с кисточкой остановилась, так и не коснувшись лица. Она ошеломленно застыла, посмотрела на меня совершенно не так, как минуту назад, а потом вдруг подошла и сжала в объятьях.

– Господи, Ди. Я такая дура. Такая дура.

– Все нормально, ты ведь не знала. К тому же прошло уже два года, – аккуратно отстранив соседку от себя, я подула на ее глаза, в которых застыли слезы. – Не реви. А то весь макияж насмарку. И так пятнадцать минут рисовала. Моя рана уже затянулась. Видишь, я не плачу. Больше не плачу.

Леся улыбнулась, швыряя носом. И больше мы к этой теме не возвращались.

– Господи, сколько их там ещё? – вскинула она руки, наклоняясь и пересчитывая людей перед нами в очереди.

– Семеро.

– И чего им всем не спится!

– Может они так же, как и ты, слишком хорошо провели вечер?

Старостина скривила гримасу. Даже после бессонной ночи она была похожа на диснеевскую принцессу, которую только что посетила фея-крестная. Ни отсутствие нормального макияжа, ни круги под глазами не делали её хуже.

– Кстати, а ты куда пропала? – зевнув, спросила она. – Тебя какой-то парень искал.

В груди екнуло. Но я тут же остановила себя. Нет, глупости. Парень, с которым я столкнулась в бассейне, явно старше. Он бы не стал приходить на вечеринку для новичков.

– А его случайно не Паша звали? Тот, которого я, ну... не поцеловала.

– Вроде он, – так и не дождавшись пока подойдет наша

очередь, Леся откусила от пончика кусок, наклонилась и, заглядывая в глаза прошептала с набитым ртом. – Это из-за него, да? Из-за того мальчика?

Я пожала плечами и сухо кивнула. В двух словах разве такое объяснишь?

– Ты соблюдаешь по нему траур два года? Серьезно? Мне кажется даже вдовы столько не скорбят.

Я невесело улыбнулась, и чтобы сменить тему, поторопила:

– Давай скорей, у нас пять минут осталось.

– Уже бегу!

Расплатившись за кофе, Леся подманила пальцем, чтобы я наклонилась ближе и прошептала как чревовещатель, почти не шевеля губами:

– Знаю, тебе плевать на зарвавшихся мажоров, но на всякий случай предупрежу, пока ты снова куда-нибудь не вляпалась, посмотри туда.

Но не успела я обернуться, как услышала стук трости по каменному полу. Но не тихий, едва заметный, какой бывает, когда люди хотят свои слабости скрыть, этот звук напоминал манифест. Собственной значимости.

В кафетерий, в окружении других старшеклассников вошел тот самый парень, с которым я столкнулась в бассейне. Но только сейчас увидела, что он едва заметно хромает. Вот только, глядя на него, никто не решился бы назвать его калекой. И дело было не в том, что выглядел он безупречно, в

глазах читалось превосходство. А от позы так и веяло самодовольством.

– Это Виктор Северов, тот самый Север. Его свиту ты видела вчера утром, – пояснила Леся.

«А обнаженный торс вечером», – каждой клеткой ощущая, как липкий ужас заполняет внутренности, подумала я. Вслух же добавила:

– Теперь мне конец!

Словно услышав, что о нем говорят, Север обернулся. Наши взгляды встретились. На мгновение я подумала, вдруг он меня не вспомнит. Хотя что-то подсказывало, такие как он, не забывают ничего.

Север прищурился, слегка задрав подбородок, тем самым наглым способом, как обычно это делают парни, и я поняла, что надеялась зря.

Он помнит.

И случившегося не простит.

Я пронеслась по коридору с такой скоростью, с которой не летела на уроки никогда. Надеюсь лишь на то, что Бледноволосый найдет, чем заняться, вместо того, чтобы сживать со свету первокурсниц. Эта стипендия – шанс на миллион. Всё, на что я могла рассчитывать. И потерять ее не имела права.

Одно утешало – Север выпускник, а здание огромное. Не так уж трудно не встречаться с одним единственным человеком. А значит, остается не попадаться ему на глаза толь-

ко между занятиями. Но насладиться этим пониманием я не успела.

Смех. Громкий и яркий, как пылающее огненное облако разнесся по кабинету. И Макс, младший из свиты Севера, вломился в аудиторию. Он лениво швырнул рюкзак на парту передо мной, плюхнулся на стул и, медленно развернувшись, оперся локтем о спинку.

Я тут же опустила глаза и уткнулась взглядом в учебник, рассчитывая, что когда-нибудь пялиться ему надоест.

Зря.

Конечно, я не могла знать, что один из приспешников Холодного Короля окажется в одной со мной группе. Даже этого было бы достаточно, чтобы вести себя как можно тише. Ведь если не дразнить бешеного пса, вероятность того, что он откусит тебе руку, значительно уменьшается. Только я умудрилась его еще и за хвост подергать.

В аудиторию вошел преподаватель. Все зашелестели книгами. Но Максу было совершенно плевать. Так и не поворачиваясь, он достал телефон и принялся что-то печатать.

Вдруг мой «старичок» зажужжал входящим сообщением.

Неизвестный:

«Я тебя вижу, Лапуль», и в конце смайлик, посылающий поцелуй.

Щеки вспыхнули.

– Откуда у тебя мой номер? – вскинув голову, прошипела я.

Понимание пришло с опозданием. Накрывая совсем не теплыми волнами.

«Он все и обо всех знает», – тут же вспыли в голове обрывки услышанных на вечеринке фраз.

Лектор откашлялся.

– Лесниченко и ... ваше имя?

– Диана, – подняв глаза, глухо произнесла я. – Солнцева.

– В таком случае, Лесниченко и Солнцева, я вам не мешаю? Если это возможно, я бы предпочел видеть ваше лицо, Максим, а не затылок.

О, я весь к Вашим услугам, – пропел Макс, всколыхнув волну смеха, и отвернулся, избавив меня от своего присутствия.

Иногда мне казалось, такие как Макс на потеху публике изводят преподавателей, стальным нервам которых можно только позавидовать. Ведь сохранять выдержку, спокойно глядя в глаза дерзящим в ответ студентам можно исключительно под седативными.

Следующие сорок минут я старалась не отвлекаться от лекции, старательно зарисовывая графики и переписывая формулы. В том городке, где я росла, школа была одна, и только оказавшись здесь я поняла, что происходящее у доски для меня полная абракадабра. И если не найду человека, способного помочь, увязну еще и с учебой.

На удивление Макс молчал, лишь иногда посмеивался, отпуская глупые шуточки, чем очаровывал всех девушек в ра-

диусе трех парт. А мне хотелось ткнуть ему в затылок карандашом.

За пару минут до конца занятия я потянулась к сумке и только тогда увидела, что на последней парте сидит Пашка. Он скучающе водил ручкой по полям тетради, как будто то, о чем рассказывалось на лекции было для него делом совершенно обыденным.

Чувство стыда тут же вспыхнуло перед глазами. Надо бы перед ним извиниться.

Наши глаза встретились, и он приветственно кивнул. На секунду показалось, будто в них мелькнул интерес. Наклонившись, он что-то написал и поднял тетрадь, чтоб я смогла прочитать.

«Нужна помощь с физикой?»

Неужели вселенная наконец услышала мой безмолвный крик о помощи?

Я неуверенно кивнула.

Он перевернул страницу и написал: **«Буду рад»**.

А я не смогла сдержать улыбки.

Лекция закончилась. Я стала запихивать вещи в сумку, но только собралась покинуть аудиторию, услышала шепот:

– Ульяна после вечеринки куда-то пропала.

Я притормозила, делая вид, что укладываю книги поудобнее, и вся «превратилась в слух».

– Звонила ей на мобильный, не берет. Спросила у куратора, он отказался даже говорить со мной.

– А родители?

– У меня нет их номера. Но раз администрация в курсе, значит им сообщили.

– Думаешь, это он? – одна из девчонок произнесла «он» таким голосом, что от тона застыл бы и океан.

– Я вообще не думаю, – откликнулась вторая. – О нем не то, что не говорить, лучше даже не думать. Особенно после того случая.

– Какого?

– Помнишь у сторожа жил кот, большой такой, белый? Так вот, говорят, как-то он машину Севера пометил. Тот был так зол, что сторожа с тех пор не видели, а потом и кот пропал.

Сердце заколотилось быстрее.

– Но Ульяна же не кот.

Вот только ответа не последовало.

Если раньше я сомневалась, теперь поняла точно: я вляпалась. И только узнав, во что именно, смогу выбраться.

Глава 3. Парадокс Севера

Со дня исчезновения Ульяны прошла неделя, и все успокоились. Забыли. Но у меня в душе не было мира. Что мог сделать с ней Север? Воображение подбрасывало жуткие картинки, но я отмахивалась от них, ибо зачем? Зачем такому, как он, заниматься столь грязными делами?

И тогда решила узнать о всех пропавших и отчисленных за последние несколько лет. Благо в электронном читальном зале была картотека всех школьников и студентов Карточной Долины.

Я открыла список учеников двухлетней давности, но тут же замерла, судорожно вдохнув, боясь прокрутить колесико мышки хоть на миллиметр, потому что на меня смотрел он. Тот, чье место в команде по фехтованию я вынужденно заняла. Тот, кто занял место в моем сердце.

«Александр Савин» гласила надпись под портретом молодого темноволосого парня.

– Ну привет, Саш, – тихо произнесла я. – Кто бы мог подумать, да?

В памяти тут же всплыли фрагменты из прошлого:

– Что с тобой? Тебя что, избил кто-то? – я коснулась его плеча, чтобы заглянуть в лицо, но парень отвернулся. С тех пор, как он поступил в этот проклятый лицей, его будто подменили. Наши встречи происходили реже. Он стал раз-

дражжительным, нервным. Но никогда не говорил, почему. — Саш, ну ответь мне, пожалуйста.

И тут словно кирпичик за кирпичиком, начали вставать на места обрывки фраз, услышанные на вечеринке.

«Говорят, Север сломал девятикласснику три ребра и ничего ему за это не было».

«Он получил черную карточку»

«А потом исчез».

Господи-боже, разве бывают такие совпадения?

Сколько людей было отчислено в том году? Я начала судорожно листать списки, и чем ближе подбиралась к концу, тем сильнее потели мои ладони. Трое. В тот год было отчислено только две девушки и... мой Саша.

Значит, только один человек сможет рассказать, что тогда произошло.

И он, единственный в этом чертовом здании, этого делать не станет.

Следующие несколько дней я пыталась раздобыть информацию, случайно подсаживаясь то к одной, то к другой группе студентов, но, когда речь заходила об исчезновении Ульяны, все начинали себя вести как герои-защитники Родины на военном допросе. Стискивали покрепче зубы, замолкали, отворачивались, уткнувшись в телефон, находили самую нелепую причину, чтобы куда-то смыться, или просто, глядя в глаза, искренне просили захлопнуть рот и сидеть спокойно.

Иные и вовсе, вставали и уходили, словно даже сидеть со

мною за одним столом каралось наказанием.

Зато я выяснила про Карточную Долину по крайней мере три вещи:

Первая. Здесь существует как минимум два десятка правил, большая часть из которых настолько нелепы, что даже я не смогла найти ни одной разумной причины для их существования. Например, запрет на манжеты, галстуки и закатанные рукава. Вся их опасность лишь в том, что в них разве что шпартгалку можно спрятать, но что-то я очень сомневалась, что:

а) кто-то в этом месте мог их писать. Ибо лень.

б) преподавателям было до этого хоть какое-то дело.

Вторая, касающаяся одежды, именовалась «Чертовы юбки».

Просто никаких брюк на девушках. Как? Почему? Где логика? Господи, это университет или филиал полиции моды?

Эти вопросы так и остались без ответа, так что я добавила их к списку «Выяснить позже» как наименее на данный момент существенные.

Хуже всего, что у меня не оказалось ни одной. Я их попросту не носила.

Можно было бы одолжить у Леси, уверена, в ее гардеробе нашлась бы лишняя, вот только юбки Старостиной больше походили на зефирное облако. Все бы тут же поняли, чья именно на мне надета одежда. А это равно, что повесить на груди табличку: «Подайте на пропитание». Стипендиатов

итак не жаловали. Узнай мажоры, что у меня еще и денег на покупку вещей нет, вообще бы со свету сжили.

И тогда я решила, плевать!

В конце концов это правило установлено не администрацией. Если Север станет мне угрожать, пожалуюсь в деканат.

Ну и, наконец, третья, касающаяся Виктора Северова лично и приводившая в жуткое бешенство:

Чем дальше я находилась здесь, тем сильнее убеждалась, что весь дурацкий колледж был компасом, а он – как бы смешно это не звучало – Севером. Стоило Мальчику с Полюса появиться в очках, все вокруг тут же обзаводились черными роговыми оправками. Стоило за завтраком заикнуться, что с завтрашнего дня он ходит исключительно пешком, на утро стоянка машин тоскливо пустела.

Спустя еще неделю я решила, что попала в секту, потому что иных причин столь преданному поклонению просто не смогла обнаружить. Как ни странно, никому кроме меня нелепость ситуации в глаза не бросалась.

Я перерыла весь учредительский состав, рассчитывая на то, что единственный рычаг его влияния – папочкины деньги, но никто из родных Севера не являлся попечителем академии. Он не имел права устанавливать здесь свои порядки, но делал это. И тогда я назвала происходящее «Парадокс Севера».

Открыла блокнот и набросала простенький порядок действий:

1. Выяснить о Севере всё, что только возможно.
2. Найти слабые места.
3. Уничтожить.

Ведь кто-то должен противостоять людской несправедливости. Каждому городу нужен герой.

А потом зачеркнула последний пункт и приписала сверху «ну или хотя бы выжить».

Глава 4. Первое предупреждение

На парах по физике я пересела к Пашке. Только они с Лесей по-прежнему со мной разговаривали, возможно потому, что о Севере мы с ними не разговаривали вовсе. Уж чему-чему, а его гадкому имени я не позволила бы встать на пути нашей дружбы.

Лекция еще шла. Пашка внимательно смотрел на доску, записывая, а я вместо стандартного уголка задачи, рисовала на полях заборчик, мыслями витая далеко за пределами академии.

Мое расследование не продвинулось ни на грамм. Зато слухи о том, что кто-то «новенький, мелкий (вот это обидно) и очень наглый» копает против Принца Северного Королевства распространялись со скоростью лесного пожара. Я тешила себя надеждой, что любой пожар всегда поглощается другим – более сильным, так что оставалось дожидаться пока кто-то внезапно не залетит, разобьет машину, или снова испоганит дверь кабинета химии. Но терпение – не мой конек, поэтому я решила пойти ва-банк – расспросить преподавателей.

Дождавшись окончания пар, задержалась, притворяясь, что не успела дописать, а когда аудитория опустела, нацепила на лицо улыбку и словно лис, посягающий на курятник, зашла издалека:

– Не могли бы Вы мне помочь?

Немолодой, но пока еще полный жизни, а главное терпения, мужчина поднял на меня взгляд поверх прямоугольных очков.

– С чем именно?

– Хотела бы задать пару вопросов об одном из Ваших студентов. Викторе Северове.

Брови профессора нахмурились.

– Могу я узнать причину вашего интереса?

– Хочу написать статью об известных личностях академии. Для местной газеты, – на ходу сочинила я. Сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и присела рядом, сложив руки на коленях.

– Не уверен, что в моей компетенции обсуждать учеников. Не лучше ли вам спросить у него лично?

– К сожалению, я не могу. Очень уж... – профессор чуть нагнулся, ожидая, – ... очень уж он скрытный молодой человек. А еще слишком привлекательный. – Боже, что я несу. – Каждый раз вижу, и дар речи пропадает.

– Послушайте, Диана. Вряд ли я смогу вам помочь, – произнес профессор, захлопывая папку, негласно показывая, что разговор окончен. – А если Виктор вам так нравится, вам стоит поискать союзника среди подруг. Они подскажут более действенный повод для знакомства.

– Точно, вы правы. Разумеется, вы правы, – кивая как китайский болванчик, я встала, накинула сумку на плечо, и сде-

лала пару шагов к выходу, но остановилась, и добавила, как что-то совсем несущественное:

– Кстати, а вы не знаете, где Ульяна? Она взяла мою тетрадь, и я не могу найти ее, чтоб вернуть.

Несколько секунд он смотрел на меня из-под кустистых бровей, очевидно решая, что можно рассказать, а что нет, а потом произнес настолько тихо, чтобы только я могла услышать:

– Перестаньте лезть в дела Виктора. Это я вам не как преподаватель академии советую.

И больше ни слова.

Когда я вышла из аудитории, все еще пытаюсь переварить сказанное, меня окликнули:

– Новенькая, стой.

Даже оборачиваться не потребовалось, чтобы понять, кто это.

Макс был из тех, кто маниакально любил дотрагиваться до людей во время разговора. Вот он сказал лишь «привет», а его рука уже опустилась на твои плечи. Если остальные к этому почти привыкли, мне чужие прикосновения казались дикостью, так что я поспешила отодвинуться.

– Кстати, если ты вдруг не прочитала, брюки девчонкам в академии носить запрещается.

Он сунул мне в руку листок.

– Что это?

Хотя я прекрасно знала. В самый первый день Леся по-

дробно объяснила, что чуть ли не для каждого чиха в академии есть инструкция.

– Правила. И не советую их нарушать.

– Что-то еще?

– Специально для тебя могу рассказать подробно.

Я скривилась.

– Проваливай, дурное ты создание.

Глядя прямо перед собой, прибавила шаг, но Макс поймал меня за руку.

– Жду тебя в шесть. В библиотеке. Сегодня.

– С чего ты взял, что я приду? – хмыкнула я и, развернувшись, выдернула руку.

– Твое дело, – равнодушно ответил он. – Правда в таком случае ты так не узнаешь, кто распускает слухи о том, что мы с тобой переспали.

Несколько человек тут же оглянулись. Даже забыли, куда шли, и остановились, прислушиваясь.

Да что же происходит. Такое чувство, что столкновение с Севером запустило в моей жизни череду недоразумений. Они как лавина. Стоит сбросить с горы камешек, к основанию снесет многотонным потоком.

– Что ты мелешь? – ошарашенно вскинулась я. – Это бред! Нет никаких слухов!

Макс пожал плечами, засунул ладони в карманы брюк и чуть наклонившись, произнес:

– Будут! Если не придешь, обязательно будут. Это я могу

тебе гарантировать.

Библиотека встретила меня прохладным воздухом впере-
мешку с запахом книг, который с детства ассоциировался с
домом. Когда-то мы жили в квартире, где целую стену в го-
стиной занимали стеллажи с литературой. Папа любил чи-
тать. Он никогда не выбрасывал книги, так что с каждым го-
дом полок становилось все больше и больше, пока комната
не стала похожа на библиотеку из старой Диснеевской сказ-
ки про Красавицу и Чудовище.

Когда я переехала к бабушке, большую часть пришлось
раздать. Я забрала с собой лишь некоторые – его любимые.
Вот только ни одной не привезла сюда.

– У вас есть абонемент? – спросила на входе библиоте-
карь, разглядывая меня поверх очков. Я отрицательно пока-
чала головой. – Сейчас будет, – улыбнулась она.

Пока женщина стучала по клавишам, вбивая мое имя в
карточку, я оглядела зал. Макса нигде не было.

– Не подскажите, где секция русской литературы 19 ве-
ка? – уточнила я, вспоминая, что именно это место указал
Макс.

– Прямо до конца и направо. Только не шумите, пожалуй-
ста.

– Хорошо, – прошептала я, направляясь вглубь стеллажей
и ориентируясь по указателям.

Чем дальше я шла, тем больше убеждалась, эта библио-

тека великолепна. Книги были везде. От пола до потолка. Справа и слева. Потолки были украшены резьбой и расписаны красками, словно под старину. Это место словно сошло со страниц одной из спрятанных в нем же книг.

– Макс, – позвала я, но вместо задорного тенора услышала мягкий, немного шершавый баритон. Уже очень хорошо знакомый.

Север.

Этого следовало ожидать. Но растерявшись, я едва не приросла ботинками к полу. Ощущение от его присутствия можно сравнить с тем, как если бы тебя заперли в одной комнате с маньяком. С виду – обычный человек, вот только когда знаешь, кто это, читал новостную сводку, от ощущения близости становится не по себе.

Он стоял, лениво опираясь спиной на стеллаж, держа в руке книгу и даже не поднимая от текста взгляда. Его черные джинсы сидели достаточно низко, рубашка, в отличие от утреннего образа, была слегка расстегнута, а волосы, уложенные нарочито небрежно выглядели так, будто он позировал для фотосъемки. Однозначно это способность, которая дается эльфам с рождения. К какой поверхности не привались, она тут же в фотофон превращается.

– Я весь к твоим услугам, – медленно произнес он.

Что, черт возьми, всё это значило?

Север так и стоял, не поворачиваясь в мою сторону, глядя из-под полуопущенных ресниц. Его трость лежала на под-

оконнике и теперь я могла тщательно ее рассмотреть. Черная и тонкая, хозяину под стать, ручка же была выполнена в виде серебристой головы волка в диком оскале.

– Ходят слухи, ты всех обо мне расспрашиваешь.

Я тяжело сглотнула, но внешне никак не показала страха.

– Слухи – вещь ненадежная, – произнесла я, вставая напротив. – К тому же, в правилах не написано, что нам не позволено говорить.

Север едва наклонил голову. Словно выказывая удивление.

– Считаешь, я не найду к чему придаться?

– А разве я что-то нарушила?

– Брюки, – кивнул он на мои ноги, облаченные в темно синие джинсы в обтяжку.

– Я считаю его не обоснованным. Объясни, для чего это нужно и возможно, – я сделала паузу, чтобы обратить его внимание, – возможно, я изменю решение.

– Диана... – от того, как он произнес мое имя, пугающе и одновременно мягко, по спине побежали мурашки. – Кто ты, чтобы я стал тебе что-то объяснять?

Я буквально опешила от подобной наглости. Может все здесь и в восторге от этого парня и его дурацких правил, но я их мнение явно не разделяла.

– Знаешь, в таком случае я пойду. Если ты думал, что у меня есть время на то, чтобы выслушивать этот бред, зря. Спасибо. До свидания.

Но только я развернулась, чтобы уйти, он не позволил. В один шаг преодолев расстояние между нами, запер меня в клетку между собственным телом и стеной из книг. Я отступила.

– Отойди!

Так близко никто ко мне не был со времен Алекса ни разу. И ощущение явно не доставляло удовольствия.

– Я знаю, что ты под меня копаешь, – произнес парень, заставляя сильнее упираться лопатками в книжные полки. Каждой частичкой тела я чувствовала его взгляд, который подавлял, сея чувство неконтролируемой паники. – Вот только не могу понять, зачем... Но на всякий случай предупреждаю только раз.

– А потом? – прошептала я.

Север наклонился. В мое безопасное пространство тут же вторгся чужой запах. Столь непохожий на кричащие на каждом углу Карточной Долины ароматы дорогих духов и одеколонов. Его запах был тоньше и сложнее.

Я зажмурилась, стараясь не вдыхать. Желая, чтобы ни одной капли на мне не осталось.

– Ты была такой смелой в тот раз. Что же случилось сейчас? Боишься?

Он лукаво улыбнулся, словно находя на моем лице ответ, и я прошептала:

– Бояться здесь нужно тебе.

– Сделаю вид, что не расслышал, – произнес парень. –

Терпеть не могу решать проблемы силой. Так что надеюсь, мы договорились?

Хотя тон, которым это было сказано ясно давал понять, ни с кем договариваться он не собирался. От меня требовалось лишь кивнуть и подчиниться.

Несколько мучительных секунд он ожидал ответ. А я ждала шанса сбежать. Вот только Север перекрыл все пути к отступлению.

– Посмотри на меня.

«А сейчас это разрешается?»

Я упрямо отвела взгляд. Тогда он схватил длинными пальцами мой подбородок, заставляя смотреть прямо ему в глаза.

– Это первый и последний раз, когда ты мне дерзишь. Уяснила?

Его рука оказалась у моего лица и на какой-то миг я даже решила, вдруг он собирается меня ударить. Против воли, сжавшись, зажмурилась. А потом почувствовала, как он коснулся указательным пальцем моего лба.

– Если ты не заставишь себя подчиниться здесь... – он слегка постучал пальцем по моему виску, а потом заскользил ниже, по щеке, очерчивая линию подбородка. Я не видела себя со стороны, но могла поклясться, что лицо мое пылало. – Мне придется сделать это самому. И уверяю, мои методы тебе не понравятся. А уж если из принципа решишь гадить, долго здесь не продержишься.

Застигнутая врасплох, я боялась пошевелиться. Но когда

открыла глаза, Севера рядом не было. Я услышала только стук трости по каменному полу и увидела удаляющуюся спину.

– Да, и не трясись так, новенькая, я не кусаюсь, – не оборачиваясь, бросил он. А потом на прощание добавил: – Только если хорошо попросят.

Глава 5. Ан гард

– Ан гард!¹

Я уже не помню тех дней, когда в моей руке не было шпаги. Мне было шесть, когда отец вложил в мою ладонь крошечный эфес, а потом, накрыв своей, нанес легкий и точный укол в одну из маминых хрустальных ваз, заставив ее зазвенеть.

– Когда-нибудь ты вырастешь и станешь чемпионкой, – сказал он в тот день. С тех пор прошло почти двенадцать лет, моя полка пополнилась десятком медалей и кубков, но я по сей день, глядя сквозь чёрную сетку и прилагая все усилия, старалась сделать его слова правдой.

Голова под маской пульсировала. Каждый раз, снимая ее после окончания поединка, я чувствовала себя свободнее. Со дня аварии не любила замкнутые пространства. До такой степени, что даже собственная защита напрягала. Но любовь к фехтованию оказалась сильнее, так что я пересилила себя и снова вернулась в строй.

Мне нравилось, что начиная поединок, ты остаешься один на один с противником. Все зависит лишь от тебя. Сможешь преодолеть свои страхи – выиграешь. Сможешь взять себя в руки – уйдешь с поля с гордо поднятой головой.

¹ Ан гард (фр. En garde, К бою) Сигнал о подготовке к соревнованию. Участники поединка должны занять позиции каждый за своей линией начала боя.

Сегодняшний же день показал обратное. Тренер крыл меня благим матом. Я никак не могла собраться, пропустив столько уколов, словно билась с закрытыми глазами.

– Ты как будто всю тренировку где-то летаешь, – бранился он. Не напрасно.

Обычно, я не доставляла ему проблем. В конце концов, не зря же он меня сам выбрал.

Мы познакомились, когда мне было девять. Отец привел на тренировку как раз в то время, когда Нестеров набирал команду. Позже он уйдет преподавать в Карточную долину следом за одним из лучших своих учеников, куда спустя пару лет перетянет и меня. Но именно тогда он смог разглядеть во мне – тощей девчонке на голову ниже других – потенциал.

– Извините, Сергей Александрович.

Я зажмурилась, до скрипа сжав зубы. Потому в голове то и дело вспыхивали одна хуже другой картинки, не позволяющие сосредоточиться.

– Эт-ву прэ?² – Соперники приготoвились.

«Я не кусаюсь».

Пальцы сильнее сжались вокруг рукоятки.

Наглый, самоуверенный придуток.

– Алле!³ – скомандовал тренер, и я сделала первый выпад.

² Эт-ву прэ? (фр. Êtes-vous prêt? Вы готовы?) Судья задаёт вопрос перед началом боя обоим участникам. Участник, не готовый к бою, должен подать сигнал судье, топнув ногой и подняв оружие вверх.

³ Алле! (фр. Allez! Начинайте!) Сигнал о начале боя. Участники вправе начать движение.

«Только, если попросят».

А вот дальше этой фразы отпускать собственную фантазию было страшно. Потому что воображение принималось рисовать настолько развратные картины, что приходилось вспоминать, как дышать. И дело даже не в том, что он посмел прикоснуться ко мне без разрешения, а в том, зачем делал это?

– Диана, заступ!

Я чертыхнулась, пытаясь возвратиться мысленно к стоящему впереди противнику. Воображаемый Север в моей голове ухмылялся, крепче сжимая рукоятку трости.

Самым мудрым решением будет игнорировать. Хотя с такими как он – это будет сложно. Ледяной мальчик притягивал взгляды как магнит металлические опилки. Хорошо, хоть на меня его чары не действовали. Совсем. Ну разве что самую малость.

Подумаешь, что в этом такого. Это нормально. Есть просто такие люди, которых интересно рассматривать – актеры, модели всякие. Кто ж виноват, что Северову повезло.

Ну да, он красивый. Как картина в музее, как клумба перед зданием академии.

Вот только от взгляда на клумбы не бегут по рукам мурашки. И не захлёстывают горячие воспоминания, как он, наклонившись совсем близко, прошептал на выдохе: «Боишься?»

– На сегодня достаточно!

И правда.

С этим надо переспать.

– Диана, иди, – скомандовал тренер.

– Я могу объяснить, – попыталась запротестовать я, но он поднял руку, негласно затыкая мне рот.

– На скамейку! – Приказы у нас не обсуждаются. – С тобой я разберусь позже.

– Черт... – ругнулась я, усевшись на лавку.

Сняла маску и вытянула ноги. В голове все еще гудело как после пьянки. Хотя я никогда не напивалась, но подозревала, что чувствуется это именно так. Потому что Северов напоминал сумасшедший коктейль, в котором смешалось все самое гадкое с самым притягательным. Удивительно, как эта смесь не разорвала его на части. Но одно я могла сказать точно: это было не справедливо.

Оставшиеся полчаса тренировки я молча пялилась на поле, на котором мне сегодня не было места.

– Диана, с тобой все нормально? – перехватил меня в конце тренировки тренер у самой раздевалки.

В отличие от баскетбольной, здесь не пахло потом, не стоял коромыслом пар, а шкафчики не скрипели, угрожая откинуть свои дверцы как деревья сбрасывают листья по осени.

«Спорт для избранных. Фехтование – это не сила. Это всегда ум» – много раз повторял отец, постукивая пальцем по виску. Точно как этот... Чертов любитель карточки раздавать!

– Да, просто немного устала, – вымученно улыбнулась я. – Не выпалась.

Как обычно, по-отечески потрепав меня по голове, он посоветовал отоспаться, побольше гулять, а самое главное «держаться подальше от местных засранцев».

И этот совет однозначно понравился мне больше других.

Глава 6. Тебя предупреждали, Лапуля

Сентябрь выдался на редкость теплым. Студенты Карточной Долины высыпали на улицу, греться под лучами солнца, а я сидела на траве под раскидистым деревом и переписывала Пашкин конспект по физике.

– Интересно, классика в новом году станет трендом?

Приземлившись рядом, Леся окутала облаком цветочного парфюма и беспечного щебетания. Увы о том, о ком не хотелось бы слышать.

– Сегодня на нем строгие брюки и такой же пиджак с заплатами на локтях. Все-таки черный ему очень к лицу.

Я возвела глаза к небу.

– Видимо, мир рухнет, если он наденет что-то цветное.

– Вредина ты, Дианка. – Уселась рядом Старостина, все еще разглядывая парня, прислонившегося к перилам лестницы у входа в академию. Кого-то ждет? – В этом костюме он такой горячий!

– Ты имела ввиду, холодный, – выгнула я бровь, разглядывая издаലെка глаза цвета стали и это странное выражение на лице, означающее что-то вроде «как я от вас устал».

– Плевать! Он пугающий. Это заводит.

– Он выглядит... недружелюбным. Такие парни – не мой

тип.

Леся усмехнулась, откинув назад волосы. Теперь они были ярко-морковными.

– Откуда тебе знать каков твой тип, если ты ни с одним из них даже не пробуешь заговорить?

– Оттуда и знаю, потому что мне не хочется. Это и есть главный показатель.

Леся покачала головой:

– В любом случае, он не свободен.

Словно в подтверждение ее слов, у входа остановилась машина, из которой вышла девушка. Кто бы это ни был, она привлекла всеобщее внимание. Люди перед ней расступались, в то время, как она медленно поднималась по ступенькам.

Высокая, минимум сто семьдесят пять сантиметров. Волосы длинные, не темные и не светлые, словно солнце играло в них бликами. Да вся целиком она была похожа на солнце. Ослепляла белизной шелковой блузы, сверканием камней на тонком запястье, но самое главное – улыбкой. Она улыбалась так, будто шла по красной коровой дорожке. В какой-то момент даже захотелось рассмотреть ближе, коснуться загоревшей кожи, настолько гладкой и ухоженной она была.

– Это, – начала было я.

– Ты права, ты права, сумка от Валентино.

– Да я не о том...

Вот только ответ мне уже не понадобился.

Медленно и грациозно, девушка подошла к Ледяному принцу и все встало на свои места.

— А, ты же не знаешь, — улыбнулась Старостина. — Его девушка. Адель. Вчера вернулась. Ездила в Прагу с родителями.

Адель повернулась, снова широко улыбнувшись, и я замолчала, окончательно осознав силу слов, сказанных Севером в момент нашего «знакомства». Потому что по сравнению со мной, эта девушка красива до неприличия.

«Лучшие всегда выбирают лучших».

Она потянулась ему навстречу, а он слегка наклонился, чтобы прикоснуться губами. Едва-едва. Осеннее солнце переливалось на его светлых волосах, и, удивительно, но даже теплый дневной свет рядом с ним становился холодным.

Сумка упала на ступеньки. А я отвернулась, почему-то подумав о том, что не стоит, наверное, такую дорогую вещь по полу валять.

— Наверняка существует какое-то особое правило. Самый популярный парень должен встречаться с самой красивой девушкой, — проговорила Леся.

В этот момент Адель потянулась к уху Северова, что-то прошептав. Его рука плавно переместилась на ее талию. Тогда я заметила, что все вокруг наблюдают за этими двумя. Что не делать было на самом деле сложно. Эта пара как будто прыгнула с экрана в реальную жизнь.

— У них все серьезно. Полтора года вместе. Моя мама хо-

дит на фитнес с матерью Адель. Говорит, они даже загородный клуб для свадьбы уже забронировали. Сразу после окончания учебы. У Северова-то этот год последний.

Свадьба?

Это слово казалось настолько чужеродным, что на мгновение я даже оторопела.

– Их роман мусолили лишь первые недели три, – шепнула Леся. – Потом еще несколько месяцев делали ставки, кто кого первым бросит. Сейчас уже все успокоились. В конце концов даже обсуждать чужую личную жизнь людям когда-нибудь надоедает.

– Господи, надеюсь они хоть целоваться не начнут на забаву публике, – поморщилась я.

– Запрещено же.

– Очередное глупое правило, о котором я не знаю?

Леся рассмеялась.

– Не Северова на этот раз. Администрации.

– Интересно, а свои правила он так же рьяно соблюдает? – Мне всегда казалось, что везде работали одни и те же законы. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Так что ответ Старостиной практически застал врасплох:

– Север является гарантом этих правил. Думаю, когда он сам нарушит хоть одно из них, система рухнет.

– У вас тут почти как в книгах, антиутопия, – буркнула я, бросив последний взгляд на звездную пару. Адель смотрела на своего парня с нескрываемым обожанием. – Пообещай

мне, – попросила я подругу. – Если когда-нибудь увидишь на моем лице такое же дурацкое выражение, отвесишь хорошую затрещину.

И мы рассмеялись.

Слишком громко.

– А я смотрю вы обе здесь! – Бросив рюкзак к дереву, Пашка приземлился рядом. – Как дела, нарушительница?

– Эй, – толкнула я его локтем. – Я всего лишь подняла небольшой бунт. Крошечная революция в войне за право женщин носить брюки. Снова. Разве не это делали феминистки раньше?

– Макс на тренировке обмолвился, что Северу твоя «революция» как кость в горле.

– Пусть Макс идет лесом. А Северу придется эту кость проглотить. И желательно подавиться. Какой смысл облачать нас всех в форму? Пытаются уравнивать?

– Наверное.

– Все равно ведь не выйдет. Посмотри хотя бы на Адель. У нее одни только туфли и часы стоят больше, чем весь мой дом. И я еще молчу про персонального шофера.

– Туфли от Маноло прекрасны, – мечтательно вздохнула Леся. – Давно о таких мечтаю.

– Я бы предпочел личного водителя.

– Да ну вас.

– Не злись, – рассмеялся Пашка и опустил на мое плечо руку, слегка приобняв. И мне почему-то стало жутко неудоб-

но. А еще стыдно. — Жизнь не справедлива, — продолжил он. — Взять хотя бы нас с тобой. Мы должны вкалывать как проклятые, когда им все достаётся вообще без усилий. Оттого они и такие ублюдки.

— Не завидуй, — ответила я, скидывая его руку и возвращаясь к конспектам. — Если б ты родился с серебряной ложкой во рту, сам был бы таким же. Не стоит относиться предвзято только потому что им изначально повезло больше. В конце концов жизнь та еще лотерея, кто знает, что за билет каждый из нас вытянул.

— Думаешь, я им завидую? Бред! Просто ты их не знаешь, а я за год уже насмотрелся.

— Так ты здесь давно?

— При академии есть школа. Почти все ее заканчивали перед поступлением. Я попал как раз в выпускной класс. Так что знаю, о чем говорю. И прошу тебя лишь об одном.

— О чем?

— Если кто-то тебя обидит, ты мне обязательно скажешь, ладно?

А потом взял мои пальцы в свою руку. Кожу тут же начало печь, словно у меня обнаружилась аллергия на прикосновения.

— Я не шучу, Диан.

Его усмешка исчезла. Голос стал по настоящему обеспокоенным.

Я никогда не была слабой. Занятия фехтованием развили

во мне умение за себя постоять, но на этот раз почувствовала: что-то надвигается. Что-то очень и очень нехорошее.

Со стороны академии повеяло холодом. Осень медленно вступала в права. Я обернулась и в последний раз посмотрела на Севера. А потом ответила:

– Обещаю.

Оставшийся учебный день был похож на расплавленную резину. Тянулся медленно и уныло, и даже погода за окном не добавляла красок. Небо затянуло серыми тучами, которые периодически роняли одинокие капли.

Вернувшись после занятий в общежитие, я скинула ботинки и поставила сумку на пол. Леся ворвалась в комнату следом.

– У меня вечером свидание, – пропела она и распахнув дверцы своего шкафа, практически нырнула внутрь.

Я улыбнулась:

– С кем?

– Понятия не имею, – ответила соседка, выгружая на кровать несколько дизайнерских платьев. – Это свидание вслепую. Знаю только, что он второкурсник.

– Ого, – против воли вырвалось у меня. – Не боишься? Вдруг он тебе не понравится?

Приложив к себе один из нарядов, она покрутилась у зеркала и произнесла:

– А пойдем с нами? Можем позвать Пашку.

– Ой, нет.

Только свиданий мне не хватало.

– Зря ты так. Он умный, симпатичный, – принялась она перечислять его достоинства. – И кажется в серьез на тебя запал.

– Прекрати, – стрельнула я в ее сторону хмурым взглядом. Открыла шкаф, чтобы убрать кардиган на место, и так и не отпуская крошечных ручек, медленно осела на пол.

Этого не может быть.

– Диана? – побросав вещи на кровать, испуганно подскочила ко мне Леся. – Тебе плохо?

Слова застряли в горле. Все, что я смогла, хрипло выдавить:

– Моя одежда. Ее нет.

Я неслась, перепрыгивая через две ступеньки по лестнице наверх, в крыло, где жили парни, а сердце опасно колотилось в груди. То и дело сбивалось с такта, трепетало, хотя даже на тренировках обычно не позволяло себе подобных выкрутасов.

Даже не карточка. Желтый стикер. В форме сердечка.

Приклеенный с обратной стороны дверцы.

На котором было написано лишь одно предложение.

«Тебя предупреждали, Лапуля».

– Диана, стой, – пыталась остановить меня Леся, но ей это было не под силу. – Не связывайся с ними, прошу тебя, – умоляла она, закрыв спиной выход из комнаты. – Это всего

лишь вещи. Давай я дам тебе свои? У меня много. Попрошу папу привезти из дома сегодня же. Мне не жалко, правда.

Я подошла к ней, крепко сжала плечи, а потом, неожиданно даже для самой себя, обняла, прошептав на ухо.

– Нельзя, чтобы «это» повторялось. Они обязаны за свои глупые выходки ответить.

– Ты же понимаешь, мы на их территории. Им как обычно все сойдёт с рук.

– Знаю, – прошептала я, отодвигая подругу за плечи от двери. – Но впервые не хочу с этим мириться.

Возможно рациональная моя часть понимала, куда я ввязываюсь, и настойчиво твердила развернуться и забыть, ведь оно того не стоит.

Я знала, это сделал Макс. Только он обращался ко мне столь нелепым прозвищем.

И знала, кто стоял за этим. Еще один блондинистый хамоватый выскочка.

«Сколько таких за время учебы будет? Остановись и не нарывайся на неприятности!» – кричал рассудок. Вот только задетая гордость никак не хотела подписывать мирных соглашений. Шаг за шагом ноги приближали меня к комнате парней и, раз решилась, то не отступлю.

Оказавшись возле необходимой двери, я постучала. Потом еще раз, не дожидаясь, пока откроют, чуть сильнее. А потом и вовсе пнула дверь ногой, от чего она загрохотала так, что будь ее хозяин даже в коматозе, проснулся бы.

– Какого... – раздался недовольный голос, дверь распахнулась, и Макс появился прямо передо мной. Его губы растянулись в знакомой гадкой улыбочке!

Прикрыв глаза, я резко втянула в нос воздух. Раз, два, три, четыре... Обычно это успокаивало. Но не в этот раз. Не придумали еще такого числа, досчитав до которого мне станет легче, и я выпалила:

– Где мои вещи?!

Честно говоря, я была готова к любой гадости, уже мысленно собираясь искать их в прачечной, шкафчике спортивного зала и даже там, где больше-всего-боялась-представлять, – на университетской мусорке, но Макс лишь дернул плечом, а потом тоном, словно ничего и не случилось криминального, произнес:

– Я их сжег!

Казалось, пол под ногами рухнул.

– Ты их что? – прошептала я.

Глава 7. На противоположном полюсе (Север)

– Ты их что? – едва не поперхнувшись, переспросил я.

Макс громко расхохотался. Подошел к холодильнику, достал бутылку воды и налил в стакан из-под виски. Компенсировал. Все были в курсе, он в строгой завязке, но привычка – вторая натура.

К тому же я знал, его поламывало. Точно также, как и то, что под матрасом у него заначка – Виски, перелитый в бутылку из-под колы. Пока он отвернулся, я засунул руку под кровать и нащупал ее, приклеенную скотчем к раме.

– Вот же хитрожопый ублюдок, – ухмыльнулся я, отлепив находку и перебросив Тону. «Вылей, когда мелкий уйдет» – произнес лишь губами. В голове еще гремели слова Лесниченко старшего. Свидетелем которым я быть не хотел, но вынужденно стал.

«Тебе восемнадцать лет, а ты ведешь себя как избалованный паразит. Я в твоем возрасте уже по пятнадцать часов вкалывал!»

Это случилось аккуратно после того, как Макс разбил его машину в дребезги пьяный.

Сказать, что подобная выволочка на моей памяти была первой – глубоко соврать. В заведении, где средний доход

родителей учащихся превышает семизначные суммы, обнаглевшие, ничего не желающие в своей жизни менять отпрыски были делом настолько обыденным, что отчитывай его отец посреди кафетерия с рупором в руках, никто бы даже голову не повернул.

Скучно.

Многokrатно пройдено. Прожито. Переварено.

«Если не возьмешься за ум, отправлю в армию. Там уж точно из тебя дурь выбьют!»

Макс в ответ закатил глаза.

Все знали, слова эти – пустые угрозы. Признать публично, что ты не справился с воспитанием собственных детей в наших кругах равноценно пуле в голову. Ведь, если ты свою семью удержать в узде не в состоянии, что говорить про бизнес.

Но, когда аргументы кончались, оставался только шантаж.

«Я заберу твою машину».

«И кредитку».

А вот это уже могло возыметь эффект.

Случилось, что именно в тот день, я так «удачно» проходил мимо, где Шпиц – наш директор метр шестьдесят ростом, за что и получил кличку – клятвенно уверял Лесниченко старшего, что за воспитание его сына возьмутся с утроенной строгостью.

И тут я подумал, что мог бы повернуть ситуацию в свою сторону. Отец Макса обладал большим влиянием, к тому же

поддержка администрации мне была как воздух необходима. Что говорить, Шпиц всегда шел на встречу, а дел я мутил немало.

Подумаешь, ещё один избалованный пацан. И не из таких дурь выбивали.

И я «подоспел» как раз вовремя, дав директору себя «поймать». В буквальном смысле.

Он схватил меня за локоть, чтобы представить отцу Макс лично, скорее всего про себя выдохнув, что избавился от обузы.

Только спустя сутки, я понял, в каком угаре надо было быть, чтобы согласиться, потому что в тот же вечер Макс переехал в нашу с Тоном комнату.

Да, иногда и у меня случаются промахи.

– Виктор, зато у вас будут самые большие апартаменты в академии, – распинался Шпиц.

К черту апартаменты!

Потому что никакая хата не могла перевесить ставший теперь постоянным бардак, дурацкие шутки, вечеринки у бассейна (я так и не разрешил), пение по утрам, а еще нескончаемую головную боль и вселенский треп, который ничем не заткнешь.

Вот прямо как сейчас, когда он, выдавая по сто слов в минуту, рассказывал о вкладе в наше «общее» дело. Да и это тоже.

Никому. Не позволяется. Лезть. В мои. Дела.

Но об этом мы потолкуем позже.

– Больной что ли? – не отрывая взгляда от телефона пробурчал Тон.

– Сама нарывалась. Я несколько раз предупредил ее о форме.

– Думаю, ты даже не представляешь с какой занозой связался.

– И что? – ухмыльнулся Макс.

Я покачал головой. И правда. Вывать к его разумности всегда было занятием бесполезным. Глупо искать в человеке то, чего там нет.

В дверь постучали. Потом еще раз, уже настойчивей. А потом кто-то с той стороны ее вознамерился высадить.

– Ну вот, кажется и она, – ухмыльнулся Макс, поворачивая в замке ключ.

– Где мои вещи?! – разлетелось раскатом грома. За порогом действительно стояла она – та самая чокнутая, с которой я столкнулся в бассейне.

Девчонка с горящим в глазах пламенем.

Взглянув на нее раньше, я бы абсолютно точно прошел мимо. В школе, где учатся несколько сотен девушек, тратящих пятизначные суммы в месяц на салоны красоты, нет недостатка в красивых мордашках. Вот только, эта девчонка заставила на себя посмотреть.

Иногда такое бывает. Появляется новичок, который выбивается из общей массы. Либо слишком странный, как тот,

что расчесывал собственные усы вилкой, либо чрезмерно умный, либо будущая звезда «криминальных хроник», чей первый учебный день всегда начинается с разбитой морды. Такие экземпляры попадаются не часто, но волей-неволей западают в памяти.

Обычно, мне не нужно знать даже имени. Где-то там есть кто-то, чья жизнь происходит в другом измерении, и пока наши орбиты не пересекаются, ну есть и есть. Вот только эта Солнцева ворвалась как ураган. Будто инстинкт самосохранения отсутствовал вовсе.

Вечером того же дня, я написал о ней главе службы безопасности отца. Ответил он, как всегда, лаконично:

– Что именно нужно?

– Любая информация, которую сможешь найти.

Пока я ожидал ответа, занялся тем, что обычно делают все студенты, желающие раскопать о ком-то сведения. Открыл социальные сети.

Солнцева Диана Андреевна. Скоро исполнится восемнадцать. День рождения первого января. Забавно.

Есть парень. Только не имени, ни фото я не обнаружил, даже пролистав к самым старым фотографиям, которых оказалось не так уж и много.

Летний лагерь. Фото с бабушкой. Смазанный снимок крупным планом в костюме для фехтования. Соревнования. Медаль. Еще медаль. Значит, спортом занимается давно. И ни следа неизвестного бойфренда.

Может, скрывает, а может просто таким образом избавляется от прилипал.

Пока я листал ее страницу, почта на смартфоне прозвонила, уведомляя о новом письме. За окном гроыхнуло, предупреждая, что с минуты на минуту начнется дождь.

Я налил чашку кофе, уселся на широкий подоконник. Поморщился, вытягивая травмированную ногу и сделал глоток. Я не считал себя вуайеристом, но «дело» заставляло иногда в людском хламе покопаться.

Начало я пробежал по диагонали, перепрыгивая строчки взглядом. Паспортные данные, школьный аттестат. Довольно посредственный, надо сказать.

Братьев, сестер нет. Живет с бабушкой за городом. Деревня Большое Лукоево. Господи, где это вообще?

Родители погибли, но обстоятельства не указаны. Только дата смерти.

Перелистнув страницу, я ввел день предполагаемого происшествия и их фамилию в строку поиска, даже не рассчитывая что-то найти. Но вдруг страница запестрела заголовками. Я кликнул на первый, хотя от одного лишь заглавия уже стало не по себе.

«Двое жителей Калининграда погибли в результате аварии»

«По предварительным данным, машина пострадавших пробила ограждение и сорвалась с моста. Авария произошла из-за столкновения с автомобилем, вылетевшим на встреч-

ную полосу. От удара ограждения погнулись, и машина упала в воду.

Водитель автомобиля, тридцативосьмилетний житель Калининграда скончался на месте. Его жена, оказалась зажата между дверью и передней панелью автомобиля, не смогла выбраться из постепенно заполняемого водой салона и скончалась еще до приезда медиков. Девятилетнюю дочь вытащил проходящий мимо свидетель произошедшего. Она была доставлена в районную больницу в шоковом состоянии».

Я еще раз пробежал взглядом по последним абсолютно сухим строчкам, смахнул экран обратно, возвращаясь к документам и шумно выдохнул, вспоминая, как Диана держалась от бассейна на расстоянии вытянутой руки. Как будто вода могла накинуться и утащить ее на дно.

Вернулся к началу, открыв медицинскую карту. Рост, вес, группа крови, последние анализы и прививочный паспорт. А потом внезапно два слова, увидеть которые я никак не ожидал. Против воли вырвалось:

– Вот это да...

«Аква и омброфобия».

Пришлось снова воспользоваться поисковиком, хотя я и так догадывался, что именно он ответит.

«Серьезное психическое заболевание, характерной особенностью которого является отсутствие самоконтроля при виде воды. Омброфобия – ее разновидность, проявляющаяся

в виде навязчивой боязни попасть под дождь».

Закрыв документы, я уставился в окно, на стекле которого появились первые капли. Подумал, каково это, каждый раз бояться выйти на улицу, когда там темно и тучи. А солнечных дней в нашем городе от силы пару десятков в году наберется.

– Отвечай, – снова раздался крик, вернув меня из собственных мыслей в реальность.

А потом она меня заметила.

В глазах ее читалась не только ярость. Боль давняя, которую только сильнее разбередили. Пусть ее не было видно сквозь маску ярости, но я бы не смог не разглядеть. Потому что знал о масках и боли все. Мог писать энциклопедии о их разновидностях и последствиях.

– Я их сжег, – произнес Макс буднично.

И прежде, чем успел что-либо сделать, девчонка дернулась вперед, выхватывая стакан из его рук, и выплеснула содержимое ему в лицо. А потом как гранату метнула стакан в мою сторону.

Уж не знаю, кого благодарить за хорошую реакцию, но меня спасло лишь то, что, рассыпаясь отборным матом, я вовремя нагнулся, потому что уже в следующую секунду стекло со звоном разбилось о стену.

Девчонка же развернулась на несуществующих каблуках и умчалась прочь.

– Хренасе, – глядя из-под темных очков, ошеломленно

произнес Тон. – Бей или беги.

– Тут, похоже, оба варианта сразу, – покосился я на него все еще полулежа, вытаскивая застрявший в волосах кусок стекла.

– Вот это да! – похлопала Адель, выходя из ванной. – Лесниченко, ты продул всухую.

Макс, стирая капли с лица, ухмыльнулся.

– Вы что, спорили? – спросил Антон.

– Он поставил на то, что новенькая не решится прийти, – ответила девушка, и Тон закатил глаза. Я знал, о чем он подумал. Богатые, вечно скучающие мажоры, как обычно в поисках развлечений. – Что бы мне загадать? – губы Адель растянулись в довольной ухмылке. Так, что на мгновение я засмотрелся.

Адель была красива до неприличия. И отлично об этом знала.

Я встретил ее полтора года назад на благотворительном ужине, куда был приглашен вместе с отцом. Прямо на приеме, он отвел меня в сторону и спросил:

– Нравится?

Я кивнул.

Глупый вопрос. Такие девушки не могут не нравиться.

– Я хочу, чтобы ты начал встречаться с ней. Девчонка Шульмана лучшая для тебя партия. Забери, пока не опередили.

Уже через неделю мы были вместе.

В мире больших денег все решается просто. Как в делах. Бизнес-план составляется на год, пять и пятнадцать лет вперед. Я заранее знал, когда должен сделать ей предложение. Знал, какое кольцо должен выбрать, в каком районе будет построен наш дом и даже в какую школу пойдут наши будущие дети.

Нынешние же отношения походили на демо-версию того, что будет ожидать меня всю оставшуюся жизнь. Меня устраивало.

Адель была из тех девушек, которых не любить просто невозможно. В ней начисто отсутствовало высокомерие, наглость и пошлая истеричность, присущая почти всем девицам академии. Отец, как обычно, оказался прав – из всех она была лучшей.

Любил ли я ее?

Скорее, да.

Хотя никогда не говорил этих слов. Не чувствовал, что они необходимы.

Она была в моем вкусе. Столь же умна и расчётлива. Знала, когда настоять на своем, а самое главное, когда смолчать.

– Встанешь на колени и при всех признаешься мне в любви, – произнесла Адель. Макс ударил ладонью по лицу. Тон оторвался от листания новостной ленты и поднял бровь. – Мне конечно же придется тебе отказать. – Она отправила в мою сторону воздушный поцелуй. – Будет забавно послушать сплетни.

– В обмен на желтую карточку, – потребовал Макс, тряхнув мокрыми волосами.

– Еще чего. Вытрись и успокойся, – я бросил ему перекинутое через спинку стула полотенце. – Это последний раз, когда ты делаешь что-то без моего ведома.

– Но...

– Девчонка на стипендии. А ты реально уничтожил всю ее одежду.

– Упс, – произнес он, разводя руки в стороны.

– Упс? – переспросил я, медленно вставая и подходя ближе. – Это все, что ты можешь сказать?

Адель притихла, ожидая бурю. Антон тоже предпочитал не вмешиваться в воспитательный процесс. Стоило мне ему позволить, Макс бы валялся в отключке уже через две минуты. Я сомневался, что он вообще хоть раз в жизни нормально дрался.

– Ты на полном серьезе считаешь, что я из тех, кто такие ошибки прощает?

Его улыбка стерлась с лица. Он побелел, хоть и старался храбриться. Знал, мог получить, но все равно медленно произнес:

– Ты обещал. Дал слово отцу, а свои обещания ты всегда исполняешь.

«Когда надо, он все, оказывается, запоминает».

Ладно, попробуем по-другому.

– Сможешь подобрать девчонке что-нибудь, – попросил я

Адель: – Только сразу то, что полагается правилами. Запомнила размер?

– Конечно, – мурлыкнула она, гипнотизируя меня своими огромными глазами.

– Тон тебя отвезет.

– А ты?

– В другой раз, ладно? – я отпустил ее, ограничившись скромным поцелуем в губы, а потом повернулся к Максу и, щёлкнув в воздухе пальцами, произнес:

– Карточку.

– Какую? – широко распахнул он глаза. – У меня нет карточек, ты же сам мне не позволяешь...

– Кредитную, идиот.

– Что? – вспыхнул Макс.

– Не я сжигал ее вещи. Не мне за них платить, – я перевел взгляд на Адель и ласково попросил ее: – И, ни в чем себе не отказывай. Пожалуйста.

– Сочувствую, – подхватив ключи от машины, Тон похлопал Макса по плечу.

– Вот же черт, – застонал тот, рухнув лицом в подушку.

– Возьми себе тоже что-нибудь. – Я протянул Адель собственную кредитку, а потом подозвал Антона:

– Как закончите с вещами, оставьте в ее комнате. Только... – я наклонился чуть ближе и добавил: – Не нужно ей знать, откуда.

Глава 8. Разница между нами (Страж)

– Думаю, этого будет достаточно, – произнесла Адель, подавая пакеты, чтобы я мог закинуть их в машину.

Учитывая, что скупила она половину осенней коллекции, девчонке такого количества одежды хватит лет на пять. И то, если усиленно уничтожать при этом.

Удивительно было то, что любая другая девушка на ее месте, никогда на подобную просьбу не согласилась. Как не менее удивительным было и то, что никому кроме Севера подобная мысль бы в голову не пришла.

Я знал его практически с рождения, но даже у меня в разуме этот поступок не укладывался.

Благотворительность?

Хрен его разберет. Иногда Север выкидывал непредсказуемые вещи.

– Думаю, мы славно поработали.

Довольная собой, Адель улыбнулась. Будто первая леди страны.

Плохо на душе или нет, она всегда держала лицо. Так, что никто бы не заметил подвоха. Вот только на секунду показалось, что в глазах ее мелькнула грусть. Но тут же скрылась.

– Может по кофе? – предложила девушка.

– Как хочешь, – пробурчал я в ответ.

– Хочу очень и очень сильно, – отозвалась она, сверкая улыбкой так, что витрины, мимо которых мы шли, бликовали не от солнца, а от ее ослепительности. – О, давай сначала сюда зайдем! Это мой любимый. – И впорхнула в просторный ювелирный магазин.

Нас тут же обдало прохладой кондиционеров и запахом лилий.

Под белыми лампами на стеклянных стойках покоились сотни тысяч долларов. Этот отдел был не единственным, но определённо одним из самых дорогих. Я догадывался об этом лишь по вооруженной охране, стоявшей у ворот. А еще по тому, с каким лицом нас встречал продавец. Определенно, Адель здесь была не впервые.

Прохаживаясь вдоль витрин, она то и дело останавливала взгляд то на одних, то на других украшениях, щедро усыпанных камнями. Иногда спрашивала что-то тихо. Я предпочитал находиться в стороне. Спустя пару минут она произнесла: – Хочу примерить эти.

На белой бархатной подушечке перед ней выложили длинные золотые серьги с рубинами. Я даже представить не мог, сколько они могли стоить. Перекинув волосы на одну сторону, она надела сережку и покрутилась перед круглым зеркалом на подставке. А потом достала смартфон и сделала селфи.

Мой телефон в кармане джинсов тут же прожужжал.

Адель отправила фото мне?

– Что скажешь, Тони? – спросила она, разглядывая себя, а я глядел на нее на собственном экране, игриво улыбающуюся.

– Красивая.

Адель улыбнулась.

– Ты милый.

Она принялась прохаживаться вдоль сияющего прилавка, лениво рассматривая переливающиеся камни, словно прикидывая, что еще из выставленных здесь образцов не уступит ей самой по красоте. А потом вдруг произнесла: – Очень жаль, что нельзя собрать идеального. Мужчину, я имею ввиду. – Я настороженно замер, не понимая, куда она клонит. – Взять часть от таких как ты... Простоту. Приземленность. И твоя кожаная куртка мне нравится, – подмигнула девушка. – А от таких как они: стиль, умение преподнести себя в обществе. Взгляд на жизнь, в конце концов.

Все ясно.

Где-то в глубине души начала подниматься обида, но я перерезал ей глотку. Какой смысл обижаться на правду?

Я вырос в том же доме, что и Север, и прекрасно знал разницу между теми, чей день начинается в пять утра и их работодателями. Моя мать была кухаркой, отец – начальником охраны. Когда он погиб, мне едва ли два исполнилось.

С тех пор мы с Виктором росли вместе.

Наша дружба не завязывалась так, как это обычно быва-

ет. Я клянусь, не помню возраста, когда Севера не было рядом. Два пацана из разных социальных кругов делили поровну драки, победы, поражения, наказания, позорные порки от его отца и даже всякую мелкую заразу вроде ветрянки.

По утру, выходя за забор, мы расходились в разные стороны. Вернее, Север садился в машину, которая везла его на другой конец города, в частную американскую школу, а я шел пешком. В обычную общеобразовательную через три улицы.

Пока он зубрил по три иностранных языка, я просиживал штаны на бесполезных уроках и ради развлечения дрался. Дрался так часто, что не хватило бы пальцев сосчитать сколько раз меня грозились вышвырнуть. Но после каждого к директору приезжал отец Виктора, и инцидент заминали, а потом в школе появлялись спортивные снаряды, забор или новые ворота.

Каждый раз мне было до безумия стыдно. Я думал, его семья возненавидит меня и выгонит вместе с матерью на улицу. Слонялся до самого вечера, боясь показаться им на глаза, но когда пересиливал себя и возвращался, все делали вид, что ничего не случилось.

Они обращались с нами не как с прислугой. Как с членами семьи. Дарили подарки, оплачивали лечение и даже путевку на море. Дважды. Хотя мама часто повторяла, это из-за отца. Ведь он погиб, защищая Северова старшего. И я знал, мне уготована та же участь.

Нет, не погибнуть. Но защищать. Даже ценой собственной жизни.

Так и случилось.

– Мне не нужен чертов страж, – кричал Север на отца. – Плевать мне, что ты хочешь нанять мне охрану. Никто со мной не поедет! – Вырвав из рук прислуги собственную одежду, он бросил ее комком в сумку.

– Виктор, послушай...

– Только попробуй, – предупреждаясь поднял он руку. – И больше никогда не увидишь.

Этим же вечером, его отец позвал меня в кабинет. Я уже знал, о чем будет этот разговор. «Я ему нужен».

– Конечно, я присмотрю за ним.

– Только он должен считать, что это его решение.

Я кивнул.

Спустя неделю мы сидели на пороге особняка, а повода поговорить так и не представилось.

– Слушай, а может тебе поехать со мной, а, Тон? – вдруг сам спросил Север, вытягивая на ступеньках ноги. В его руках был учебник на черт-пойми-каком языке. О чем, я также не имел ни малейшего понятия, но так как экзамены приближались, он каждый свободный час проводил за книгами. – А что, представь. Стали бы соседями по комнате.

– Смеешься? – я закусил спичку и покачал головой. – Да я и проходной балл на платное не наберу. Не то, что на грант.

– Попросить отца? – договорил вместо меня Север, и тут

же сам ответил. – Нет. Ни за что. Вот уж кому не хотел бы я, чтобы ты был должен.

«Эй, друг, я итак весь в долгах», – хотел отшутиться я, но промолчал, вместо этого буркнув:

– Тогда к чему разговор. Ты же знаешь, это нереально.

– Ты поступишь на стипендию, – решительно заявил Север. Обычно подобный тон означал, что спорить бессмысленно.

– И как?

Он швырнул мне в руки учебник.

– Просто оставь это мне!

А потом развернулся и ушел.

Спустя неделю мы сидели в экзаменационном зале какой-то супер крутой Академии недалеко от Эльблонга, а я смотрел на пестрящий формулами лист. Он был написан словно на китайском.

Первый час я еще пытался что-то писать, но потом сдался, поняв, это провал! И когда решил, что все – пора отсюда убираться, Север возник прямо у меня за спиной. А потом все произошло так быстро, что я не успел даже рта раскрыть. Он подменил лист с ответами. Мой подписал своим именем, свой моим, и, хитро ухмыльнувшись, сдал, даже не проверяя, что за ерунду я там состряпал.

Так я впервые в жизни получил стипендию, а Виктор, тоже впервые, провалился.

И так же впервые в фамильном особняке от крика тряс-

лись стены.

Несмотря на то, что отец Виктора был в курсе наших махинаций, игру пришлось поддерживать.

В академии Север представил меня как сына друзей семьи, что владеют в Москве ресторанами. Никто не догадывался о том, кто на самом деле мои родители. Знала лишь Адель. Единственной ниткой, связывающей меня с прошлым, стало прозвище – Страж. «Раз уж они не смогли навязать мне охрану, придётся тебе самому меня охранять», – пошутил Виктор, когда мы вместе, как и всегда, пересекли порог академии. Вот только он не знал, как близко к правде оказался.

– Как ни крути, мы разные, – вернула меня в реальность Адель, и я все-таки не удержался:

– А что разница во взглядах на жизнь зависит от суммы на твоём счете?

– О, еще как, милый Тони. Еще как.

Почему? Ну почему она всегда звала меня этим дурацким кошачьим именем.

– Деньги ограничивают. Гораздо сильнее, чем ты можешь предположить. И не так просто выйти из этого зачарованного круга.

– Слушай, Адель, – я покачал головой, потирая лоб. – Ни черта не понимаю, к чему ты клонишь.

Девушка обернулась, оказавшись совсем близко. Настолько, что я мог пересчитать веснушки, которые она сводила, но

которые все равно упорно появлялись каждую весну, исчезая с наступлением морозов. Восемь на левой щеке. И пять на правой.

– Значит, ты счастливый человек, – ответила она. Телефон в ее руке пикинул. – О, гляди!

Адель развернула экран, показывая их переписку с Севером. Я посмотрел на время. Значит, Адель отправила снимок и ему тоже.

Виктор ответил лишь одно слово.

«Покупай».

– Вот этим, Тони, и отличаются парни в моем мире, – улыбнулась Адель, протянув консультанту карточку, на которой блестело золотом «SEVEROV». – Они видят лишь то, что необходимо видеть.

Я промолчал. Впервые радуясь, что на мне черные очки.

Потому что действительно даже не обратил внимания на украшения. Ведь все, что я видел уже целый чертов год – одну лишь ее.

Глава 9. Планы и неудачи

Захлопнув дверь, я пронеслась через весь кампус туда, где никто не стал бы меня искать. Место, в котором всегда могла получить помощь.

Тренировочный зал встретил меня тишиной. Не включая свет, я сползла по стене, пряча лицо в дрожащих ладонях. Чувствуя, как мозг отказывается понимать, что вообще произошло. Взвешивая все последствия неминуемой истерики. Судорожно пытаюсь найти из ситуации выход.

Мне было больно. Настолько, что хотелось побиться головой об стену, вот только стену по имени Север мне было никогда не проломить. Как бы сильно я не желала этого.

– Что мне делать, Саш?

Хуже всего понимать, что единственный человек, с которым ты можешь на эту тему поговорить – твой мертвый парень.

В сознании тут же всплыли картинки из нашей общей юности.

– Диана, иди к нам! – кричали девчонки, брызгаясь друг в друга и радостно повизгивая. Я же сидела на лавочке недалеко от спортивного бассейна, куда нас всех загнали, и даже газета в руках, которой я обмахивалась как веером, не спасала от мучительной влажности, что окутывала тело липкими пальцами. Зачем я вообще сюда пришла? Надо бы-

ло больной притвориться.

Я не умела плавать. С детства панически боялась воды. Поэтому никогда не совалась в самую гущу водных развлечений. Находиться на берегу пусть было и уныло, зато безопасно.

– Идём! – снова позвал кто-то. На этот раз из парней, опалая щеку дыханием. А потом с разбегу нырнул в воду.

Я покачала головой.

– Не взяла купальник, – выкрикнула, сложив руки рупором. Эта отговорка всегда работала на ура.

– Надень шорты и спортивный топ.

– Да что же вы пристали, как репей, – пробурчала я в ответ на очередное приглашение присоединиться.

Вдруг за спиной раздался голос:

– Простите ребята, ее тренер вызывает.

Я обернулась, тут же покраснев до кончиков ушей. Тот самый парень, которого я целовала в первый вечер у костра стоял рядом, недвусмысленно глядя на лиф от купальника, выглядывающий из моей сумки.

– В следующий раз тебе придется спасать себя самостоятельно, – сказал он. А потом улыбнулся, протянув руку: – Александр.

Воспоминания померкли. Вот только след от них в душе все еще горел ярким пламенем. От каждого ожог. Каждое – шрам на сердце.

Говорят, память всегда на нашей стороне. Стирает пло-

хое, оставляя со временем лишь светлые кадры. Вот только счастливые мгновения иногда оставляют гораздо больше болезненных царапин.

Не знаю, как долго я просидела, судорожно перебирая в голове варианты. Вернуться обратно к бабушке? Даже думать не хотела, как посмотрю ей в глаза. Попросить помощи Леси? Этот вариант казался наиболее реальным, хотя жутко стыдным.

Пол скрипнул. Я подняла голову и увидела, что кто-то открыл дверь. Полоска света тут же осветила часть зала.

– Ди, ты здесь?

И только поняв, что голос принадлежит Пашке, смогла успокоить участвовавшее сердцебиение.

– Что-то случилось? – задала я самый странный вопрос.

– То же самое хотел у тебя спросить.

Вскинув голову, я посмотрела снизу-вверх на подошедшего ближе парня. Он ждал ответов на вопросы, а я помнила свое обещание, хотя и не хотела делиться. Признавать, что ты проиграл, всегда сложно. А в этом раунде Север разбил меня в сухую.

– Тебя Леся подослала? – постаралась перевести я тему.

– Она волнуется.

Между нами повисла тяжелая пауза.

– Север? – произнес только одно слово Пашка, и я выдала все, что случилось. Начиная с нашего разговора в библиотеке и до пропавших – поправка – сгоревших, вещей.

Было отвратительно рассказывать о том, что кто-то может быть настолько прогнившим изнутри, чтобы совершать подобное потехи ради. Но, выложив правду, мне стало легче. Хотя до сих пор и потряхивало. Я обняла себя руками, чувствуя озноб. Скорее от нервов, чем из-за холода. Тяжёлая рука опустилась на плечи.

– Мы должны что-то сделать, – повернулся ко мне Пашка, и в его глазах вспыхнула решительность.

– Мы уже делаем, – осторожно освобождаясь от его рук, ответила я. – Смиряемся с паршивой действительностью.

– Очень смешно.

– А вот мне – нет.

Этот разговор – хождение по минному полю. В лучшем случае – бессмысленно. В худшем – опасно для жизни. Не хотела бы, чтобы мой единственный, после Леси, друг пострадал тоже. Ведь Пашка, судя по тому, что я успела услышать, итак не пользовался здесь благосклонностью.

– Я сейчас серьёзно, Ди. Надо что-то предпринять.

Его голос стал громче. В кои то веки, я была рада, что в эту часть зала никто кроме фехтовальщиков не ходит.

– Например?

– Начнём с того, что расскажем в деканате. Сфотографируем шкаф, записку.

– Ты точно издеваешься. Как ты себе это представляешь? Заявиться к ректору с жалобой, что мне нечего надеть, ещё и фото пустых ящиков приложить? Да они рассмеются мне

в лицо.

– Я подтверждаю твои слова, – уверенно заявил парень. – И Леся подтвердит.

– Я не знаю, Паш. Меня никогда не учили жаловаться.

На секунду я задумалась, что если бы родители были живы, что бы сказали?

Узнав, что кто-то пытается меня обидеть, однозначно велели продолжать бороться. Хотя, что-то подсказывало – они помогли бы. Заступились.

– Ты же знаешь, я просто хочу тебе помочь?

Чувство одиночества в этот момент достигло критической точки. Может напрасно я отвергаю протянутую руку?

Пашка все ещё смотрел на меня глазами, полными огненного рвения.

– Ну хорошо, – ответила я, и мы вместе встали. А потом так же вместе зашагали обратно.

– Слушай, я знаю, не время, но так, чисто настроение тебе поднять. Может, в кино сходим? – произнес парень.

Пашка смотрел на меня, а я нервно соображала, чувствуя в голове тревожный звоночек. После случая на вечеринке, мы с ним ни разу не возвращались к теме самого-стыдного-недопоцелуя-года, и сейчас был не тот момент, когда хотелось ее поднимать.

– Паш, не пойми неправильно, ты хороший. Очень хороший, но я не ищу отношений. Вот совсем.

– Я же не предлагаю тебе замуж, – поднял руки парень. –

Только кино. Неужели друзьям даже фильм нельзя посмотреть вместе?

– Фильм можно, – толкнув его локтем в бок, улыбнулась я. – Просто хочу прояснить сразу. Чтобы ты не строил напрасных надежд.

Он приобнял меня одной рукой, потрепав по волосам.

– Это я уж сам решу, ладно?

Чувство стыда сдавило горло. Возможно Пашка ничего не подразумевал, а я надумала глупостей. Но с другой стороны, я ведь предельно ясно обозначила свою позицию.

Когда мы добрались до нашего корпуса, Леси в комнате не было. Я обвела взглядом обстановку, убеждаясь, что с тех пор, как покинула комнату несколько часов назад, ничего не изменилось.

– Мой тот, что справа, – кивнула я на одиноко стоящий в углу шкаф. – Вот, полюбуйся. – Распахнула дверцы и застыла. На этот раз от шока, а не от ужаса.

На каждой вешалке в полиэтиленовых пакетах висели вещи. Совершенно новые.

Пашка подошёл сзади и ошарашенно выдохнул:

– Кажется, он обыграл нас еще до того, как мы успели план придумать.

Глава 10. Подруги и юбки

Будильник прозвонил час назад. Я еще раз нервно разгладила складки на короткой юбке и бросила пугливый взгляд в сторону двери, первым делом запланировав сменить замок. От одной мысли, что Север в любой момент мог попасть в комнату, начинался озноб.

Остановившись напротив зеркала в широкой раме, я оглядела себя с головы до ног, от высоких гольфов до воротника кипенно-белой блузы, уже представляя эту наглую ухмылку одним лишь углом губ, и не знала, что задевало больше: вынужденная покорность или сам факт, что правда говорит громче глупых домыслов. Пришлось признать: это талант. Так портить людям жизнь нужно действительно уметь.

Крошечный план против Севера, который мы с Пашкой собрали из остатков гордости, разбился о новый гардероб. Как бы Леся не отпиралась, я не поверила ее словам, что Северов не причастен к этому. Разложив на постели вещи и прикинув их примерную стоимость, она присвистнула и сказала, что я, определенно, на небе счастливый билет выиграла.

Вот только возможно ли будучи в плюсе, чувствовать себя настолько в минусе?

Эта юбка, эта рубашка – жест навязываемой воли. Как бы я не сопротивлялась, как бы не боролась с системой, сегодня

я стала ее частью. Север добился своего. Снова.

За спиной раздался хлопок дверью, и я вздрогнула. Зевая и потягиваясь, Леся выскользнула из ванной.

– Скажи, что я не выгляжу как японская школьница, – взмолилась я.

Она улыбнулась.

– До чего же ты упрямая, Солнце. Просто попробуй относиться к этому иначе.

Мое отражение скептически выгнуло бровь.

– Иначе, чем к наказанию?

Я не носила платьев и сарафанов класса с третьего, и теперь чувствовала себя непривычно открытой. Коленки мерзли, и казалось, что каждый, идущий навстречу может заглянуть под короткую юбку.

Леся опустилась на корточки перед собственным шкафом, и принялась выбирать одну из десяти пар туфель. Ее форма была похожа на мою, но, если я чувствовала себя неловко и несуразно, ей выглядеть сногшибательно не составляло усилий.

– После такого даже я подумываю, может тоже брюки надеть, – рассмеялась она.

Я лишь покачала головой.

Новый день встретил нас теплом и солнцем. Леся шла рядом, глядя в телефон и едва ли не подпрыгивая от негодования.

– Этой мелкой эксплуататорше девять, но она уже дове-

дет кого угодно, – возмущалась она, печатая своей младшей сестре гневное сообщение. – Попросила меня привести ей наклейки для вечеринки. Я вчера пол города объехала, чтобы найти нужные и оказалось, все равно не те.

– А что с этими не так? – спросила я глядя на розовых пони и целые поляны разноцветных цветов. В моем детстве таких не было.

– Это не те пони, мать их раздери.

Продравшись мимо девятиклассниц, которые визжа и обнимаясь, делали селфи на фоне школы, продолжая возвещать миру о начавшемся учебном годе, она со злостью зачихнула их в сумку.

– Родители ее избаловали! – заключила Старостина.

Пашка ждал нас под дубом, усевшись прямиком на траву.

– Вы только поглядите на нее! – присвистнул он, еще сильнее заставив меня натягивать подол юбки ниже.

– Еще одно слово и у нее случится моральная травма, – предупредила Леся.

– Скорее, у кое-кого случится физическая, – пригрозила я.

– Ты донесла на Севера?

– Нет конечно, – покачала я головой. – Ректору дела нет. К тому же, давайте будем реалистами, у Севера там все давно схвачено. Если бы каждый, кому он насолил, клепал донос, можно было бы прямо на территории строить макулатуро-перерабатывающую фабрику. Но... – Я подняла вверх

указательный палец. – Я все еще горю яростным желанием отомстить ему. Той же монетой.

Леся смерила меня настороженным взглядом.

– И как? Обменяешь его Ральф Лорен на гардероб соседа по даче?

– А это отличная идея, – поддержал Пашка, усмехнувшись. – Представляя реакцию бледнолицего.

– Пока не решила. Но это будет что-то поистине ужасное. Леся бросила на меня предупреждающий взгляд.

– Даже не думай.

– Он заставил меня страдать, а я заставлю его. Медленно мучиться, прося о пощаде. Вот только придумаю, как.

– Ладно, ангел отмщения, отдавай мои конспекты обратно, пара через десять минут, – произнес Пашка, но когда я протянула ему тетрадь, дернул чуть на себя, привлекая ближе. – Ну что? Кино? Вечером, как и договаривались?

Я стукнула себя по лбу, потому что совершенно о нашем уговоре забыла.

– Конечно, – кивнула я. – Только скажу Лесе. Она собиралась тоже.

Его улыбка дрогнула.

– Мы же решили вдвоем?

– Разве?

Я закусила губу.

– Кажется, да, – ответил Пашка.

– Но Леся?..

– Леся же все равно не сможет. Вон она с сестрой ругается, – кивнул он на стоящую рядом соседку, которая что-то гневно бурчала в трубку. – Значит, вдвоем?

– Да, но... я же говорила...

– Ты бегаешь от меня? – задал он вопрос прямо в лоб.

Жар прилил к щекам. Этот разговор нравился мне все меньше.

– Нет.

– Если не хочешь идти, сразу бы так и сказала.

Я тяжело вздохнула.

Много раз мне говорили: легко встречаться с парнем, не прикипая к нему душой, но это был не мой случай. Да, мы были молоды, по-детски влюблены, Сашка был моим первым и единственным парнем, но это не значит, что я могла забыть его так просто. А может, просто отпустить боялась. Прячась за его несуществующей спиной от каждого, кто осмеливался приблизиться.

– Паш, мой парень умер, – потупив взгляд, ответила я. – Я поэтому не рвусь заводить новые отношения. Так что не дави на меня.

– Понятно, – ковыряя носком ботинка землю, ответил Пашка.

В этот миг мне стало отчаянно его жалко. Я коснулась его рукава, чтобы привлечь внимание.

– Но это не значит, что кино отменяется, – улыбнулась я.

Ко входу подъехал черный Астон Мартин, который слож-

но было перепутать с чьим-то еще. Хотя бы от того, каким взором его всегда провожали. Казалось, эта машина была главной гордостью не только ее хозяина, но и всей академии.

Припарковавшись прямо в центре, из-за руля вышел идураку-ясно-кто, перекинул ключи Максу, и как английский лорд, слегка опираясь на трость – явно не пользы для, понтов ради – направился в здание.

Лицо его было как обычно непроницаемым, но довольным. Как пить дать гордился собственными прихлебателями, делающими вместо него грязную работу.

Макс скользнул на водительское сиденье. Слишком демонстративно заставил мотор взреветь, чем привел в восторг собравшихся, а потом, наконец, смылся. Я еще раз бросила взгляд в след проехавшему на парковку автомобилю. А потом задумалась.

– Лисенок, – окликнула я подругу, вытаскивая из ее уха наушник. В голову пришла просто гениальная идея. – У тебя еще остались те наклейки?

Старостина непонимающе кивнула.

Я довольно ухмыльнулась, потирая руки.

«Ты даже не представляешь, милый Север, с кем связался».

Глава 11. День отмщения

Сегодня вечер отмщения. Еще конечно же и кино. Но месть в этом списке значится первой.

Поэтому даже пришлось прогулять последнюю пару, и красться по коридорам, как ниндзя, чтобы гарантированно не столкнуться с Севером.

Подземная парковка встретила меня прохладой и запахом свежей резины. Чёрный Астон Мартин стоял последним в ряду справа, и внутренне я порадовалась, потому что с одной стороны меня закрывала стена.

Подобравшись на корточках к спорткару, я достала наклейки с милыми пони, и принялась за работу. Наклейки оказались добротными. Я поняла это, прилепив одну не туда – решила, что боковые зеркала все же должны украшать хвосты этих милых созданий. И сколько бы потом не пыталась ее переклеить, ничего не вышло. Картинка прилипла намертво. Уж не знаю, в чем было дело – исключительном качестве покраски Астон Мартина или волшебной слюне штамповавших наклейки китайцев, фортуна явно оказалась на моей стороне.

Когда один бок был уже почти готов, раздались шаги.

Сердце подпрыгнуло к горлу, и я наклонилась ниже, стараясь даже не дышать громко.

Уборщица. Пожилая женщина, обычно протирающая в

главном холле пыль, открыла дверь подсобки, достала оттуда швабру и ведро, а потом также шоркая ногами, ушла.

Я с облегчением выдохнула. Закончив с «обработкой авто», спрятала улики в сумку и исчезла через черный ход, словно меня здесь никогда и не было.

Сверившись с часами, я подавила смешок. Одно из двух, или Северу придется провести следующие пару часов, отдирая с машины задницы розовых лошадей, либо ехать домой при полном параде и великолепии.

Конечно, эта маленькая месть ничего не докажет. Но, возможно, каждый раз, натягивая дурацкую юбку, я буду вспоминать лицо этого мерзкого Северного Оленя и мне будет чуточку менее гадко.

До окончания занятий оставалось лишь пять минут, и я поспешила занять места в партере – у центрального входа, чтобы лично наблюдать собственный триумф.

Присела на пока еще свободную скамейку и вытянула ноги. Солнце светило так ярко, что я зажмурилась, подставляя лицо его лучам.

– Эй, ты куда пропала? – раздался знакомый голос, и я сделала козырек ладонью, чтобы лучше видеть. – Тебя не было на последней паре.

– Я была занята очень и очень важными делами, Паш.

– Например, – удивился парень, присев рядом и закинув руку на спинку лавки.

– Например, спасала академию от мерзопакостных смер-

дящих гадов.

Он пристально посмотрел на меня.

– Ты меня пугаешь.

– Меня тоже много что пугает, знаешь ли. Мыши, и тараканы. И триллеры, если смотреть их в темноте. Пустые вагоны метро и поезда, мчащиеся со скоростью 300 км в час. Этот список можно продолжать бесконечно. Но больше всего – безнаказанность.

– Зачем ты тогда лезешь в самый ее рассадник?

– Потому что страхи надо преодолевать, Паш. Кто, если не я, всех спасет?

Несмотря на то, что ответ выскочил сам по себе, я произнесла его так уверенно, что на мгновение даже забыла о том, что о двух – самых главных своих фобиях – не сказала ни слова.

Пашка недоверчиво приподнял бровь.

– Ты на самом деле думаешь, те, кто учится здесь, нуждаются в том, чтобы их спасали?

– Может быть.

Или может просто делаю это, потому что точно также жду того, кто спас бы меня.

Но этого я никогда не сказала бы вслух.

Пашка посмотрел в недоумении, но не успел ничего ответить, потому что ко мне подлетела Старостина и схватила за руку.

– Ты должна это увидеть! Скорее! – Она потянула к про-

тивноположенной стороне корпуса. – Говорят, там ЧП с машиной Севера.

«Ты даже не представляешь, какое», – про себя усмехнулась я, заранее зная, Лесю хватит удар. Но пока, совершенно не догадываясь о произошедшем, она активно работала локтями.

Удивительно, но вся толпа, что обычно собирается у парадного входа, находилась сзади. Мы с Лесей лавировали между людьми, смеющимися, галдящими, а еще снимающими на свои телефоны, и только когда я наконец протиснулась вперед, увидела собственный шедевр при полном параде.

При свете дня, розовый на черном смотрелся еще более восхитительно, чем я могла предполагать.

– Какого черта! – возмущенный возглас Севера был едва слышен в людском гомоне, но только не для того, кто знает, кого слушать.

Кто-то включил прямую трансляцию в социальную сеть.

– Надеюсь, на завтра это не станет трендом, – озвучил мои мысли Макс, и от взгляда, которым наградил его Север, я внутренне станцевала джигу.

– Ты не нормальная, – обреченно выдохнула Леся и тут же запаниковала: – Нас убьют. Нас убьют. Нас убьют.

– Да никто нас не тронет, спокойствие, – крепко сжала я ее узкие плечи. – Презумпция невиновности!

Северов отвернулся, набрал кого-то, а я, едва ли не подпрыгивая, помахала ему в спину, поздравляя саму себя. Уда-

чи, лузер, теперь ты будешь знать, как чувствуют себя те, когда ты вынуждаешь соблюдать свои конские правила.

Покрутившись, я хотела было найти Лесю, но она куда-то исчезла, зато повернулся Северов. Его взгляд остановился на мне. Парень растянул губы в неестественно дружелюбной улыбке. И зашагал навстречу.

Я задержала дыхание, отталкивая от себя холодные волны тревожности. И улыбнулась в ответ. Так широко, как только умела. Знала, все наблюдают.

А потом его рука опустилась на мои плечи.

– Давай-ка поговорим.

– Пошел к черту, – прошипела я, пытаюсь отмахнуться, но длинные пальцы впились лишь крепче. Каждый нерв в теле напрягся до предела. – Убери руки! На нас же все смотрят!

– На меня всегда смотрят, – продолжал улыбаться он. – Мне не привыкать. К тому же моя репутация от нахождения рядом с тобой явно страдает больше, чем твоя.

– Если пары невинных розовых пони достаточно, чтобы ее разрушить, то грош ей цена, – я снова попыталась вывернуться, но ничего не вышло, ибо Север только сильнее прижал меня к собственному боку.

– О, не беспокойся. Какая-то глупая деревенщина не сможет своими детскими выходками ее испортить.

– Не имею ни малейшего понятия, что ты мелешь, о странный мальчик.

– Да ладно, Солнцева, не прикидывайся дурой, в этом чах-

лом месте нет больше ни единого человека, кому могло бы подобное прийти в голову.

Он медленно вел меня от академии к машине, и чем дальше мы уходили, тем меньше мне все это нравилось. Вся карточная долина наблюдала, затаив дыхание.

Вместо того, чтобы что-то с этим сделать, например выпустить меня из своих клешней, Север наклонился ниже, чтобы никто не мог нас услышать. Его голос стал низким и хриплым. А потом произнес:

– Садись в машину.

Задняя пассажирская дверь распахнулась. Рука исчезла с моих плеч. Но не успела я рвануть с места, передо мной словно из-под земли вырос Страж.

– Сама сядешь, или волоком тащить?

Я оглянулась в поисках поддержки. Которой просить было не у кого. Север шагнул вперед, но я выставила руку, не давая себя схватить.

– Я сяду, сяду. Не трогай!

И покорно залезла внутрь.

На заднем сидении уже ждал Макс, как обычно хитро ухмыляясь. Антон закрыл дверь и уселся третьим.

Машина тронулась.

Втиснутая между двумя парнями, я вжалась в кожаное сиденье. Храбрость, еще пять минут назад победно размахивающая флагом, стыдливо поджала хвост. На смену ей пришла паника.

– Куда вы меня везете? – спросила я, тут же возненавидев себя за беспомощность, которая просквозила в голосе.

– Просто хочу поговорить, – ответил Север, в мою сторону даже не поворачиваясь, щелкая кнопками на экране, встроенном в панель автомобиля. – Я уже знаю ответ, – произнес он, – но все равно в последний раз спрошу: это гадство твоих рук дело?

Я покачала головой.

Первая реакция на страх – отрицание. Желание сбежать.

Никогда не признавай ошибок! Вот таков был мой жизненный принцип.

– С ума сошел. Делать мне нечего. Выпустите меня, – возмутилась я, на автомате дернувшись в сторону. Но тщетно. Сильная рука Стража прижала обратно.

– Расслабься, Лапуль, – улыбнувшись, прошептал Макс.

– А ты раздражаешь сильнее, чем я думал, – произнес Север. Экран, с которым он возился, загорелся серым. Я почувствовала, как намокли ладони, потому что поняла – он включил видео с камер наблюдения. На котором, пока еще чистая и блестящая, стояла черная машина.

– Я крайне не люблю тех, кто создает мне проблемы. А ты это делаешь постоянно.

Теперь я могла четко разглядеть себя, на цыпочках крадущуюся, чтобы исполнить свою маленькую месть.

– Но знаешь, что я не люблю больше? – продолжил Север все тем же отстранённым тоном. Показалось, что его слова

стали холоднее. – Когда мне лгут.

Я тяжело сглотнула. Повернула голову в сторону, глядя на удаляющееся здание академии, но наткнулась на улыбающееся лицо Макса, который лишь губами произнес:

– Ты попала, детка. – А потом протянул кулак, словно ожидая, что я стукну по нему в ответ, и шепотом добавил: – Но за идею сто баллов.

Глава 12. Девочка с ведром

Север расслабленно вел машину, держа руль одной рукой. Вторая покоилась на подлокотнике между сиденьями. Ничего не выдавало его эмоций. Атмосфера в салоне, нагнетаемая его молчанием, накалилась до предела. Казалось, даже воздух трещит от электричества.

Антон и Макс вышли, как только мы пересекли границу города. Признаться, я надеялась, что и меня высадят там же, но Страж явно дал понять, нынешняя остановка – не моя конечная, захлопнул пассажирскую дверь, а потом замки защелкнулись, запирая меня внутри. Без возможности выбраться.

Где мы находились, понять было невозможно. Тишина лишь добавляла в мой нерадостный настрой черных красок.

– Куда мы едем?

Но ответа не последовало.

Я отвернулась к окну.

Перед глазами проносились уже начинавшие желтеть улицы. Город сменился одноэтажными домами, а потом и вовсе полем, что совсем переставало нравиться.

– Послушай, Север, – попробовала начать я разговор, вот только не смогла собрать хоть что-то осмысленное. А потом поняла, лучшее, что могу сделать – извиниться. – Я прошу прощения за машину.

Опять тишина.

– Я не специально.

Подняв взгляд, искоса глянула на него, но Северов продолжал смотреть на дорогу, не обращая на мои слова внимания.

– Вернее специально, конечно, – выдавила я. – Но заслуженно.

Снова ничего.

Ясно, по-видимому будет монолог.

– Слушай, не знаю, что это за приколы такие, но давай на-чистоту. Вы сожгли чужие вещи. А конкретно – мои! Может, для вас все, что стоит меньше месячной зарплаты учителя и не вещи вовсе, но для меня они были дороги. Понимаешь? И да, я злюсь! Потому что какого черта? Ты заставил меня напаялить эту тупую юбку, насильно играть по твоим правилам, вот только пойми, это не игра. Это жизнь! И нельзя, чтобы кто-то указывал другому, что делать! Как делать! Что носить! И вообще... эй, ты слушаешь меня?

Только я подняла руку, чтобы стукнуть кулаком по его плечу, машина резко затормозила. Так, что я едва не вписалась лбом в переднее сиденье.

Север крутанул руль и съехал с дороги, остановившись у небольшого озера или речки.

Сначала я хотела закричать что-то вроде «Какого черта!», но не успела и рта раскрыть, Север повернулся, уничтожая взглядом. Впервые я поняла значение фразы «ледяной

ОЖОГ».

– Выходи, – грубо произнес он.

Сам вышел из машины и открыл багажник, что-то оттуда доставая.

Я застыла, боясь пошевелиться.

Он же не убивать здесь меня собрался? Не из-за глупых же наклеек?

Северов ушел, а я так и сидела, не дыша, пока дверь с моей стороны не распахнулась. Не произнося ни слова, он ждал. Ждал, пока выйду из машины.

Я поднялась, и слегка наклонив голову, чтобы не задеть крышу, шагнула. Ноги тут же утонули в желтеющей траве. Огляделась по сторонам. Никого. Только мы двое, машина, небольшая речка и одиноко стоящие между полями деревья.

Север присел на капот, опершись на него бедром и сложил на груди руки.

– Вперед, – произнес он, кивком указывая куда-то в сторону. Перед носом автомобиля стояло ведро с водой. Рядом лежала тряпка.

Я усмехнулась, представив, как буду выглядеть в этом наряде – короткой юбчонке и гольфах выше колен – выдраивая его машину. А он, значит, будет стоять и смотреть?

– Ты слышал, что я до этого говорила?

– Вполне.

Каждый раз, когда он делал это, бросая обрывочные фразы, его голос превращался в странную смесь льда и бархата.

И пугал он больше, чем любые сказанные в порыве злости слова. Потому что в нем была уверенность. Такой силы, которую не сломило бы ничего на свете.

Мое внутреннее я, поддаваясь массовому психозу, впало в ступор, но я тут же встряхнула его, дав сама себе внутренне пощечину.

– И?

– И мы не уедем отсюда, пока ты не закончишь, – тон его стал резче. – Давай. Не переломишься.

Я сделала несколько шагов в сторону, пытаюсь привести в порядок нервы. Хотелось рассмеяться.

Не переломишься.

Отчего-то казалось, что изначально знала, рассчитывать на понимание не стоило.

Я отступила на шаг назад. Посмотрела на ведро, на машину. Снова на ведро.

Не переломишься.

Хмыкнула, подхватила ведро двумя руками и, размахнувшись, выплеснула все напрямик на капот. Очень уж хотелось «умыть» и хозяина, но он, на удивление, быстро среагировал. Отскочил ровно в тот момент, когда в его сторону летела водная стена.

– Доволен?

Север промолчал. Вскинул брови.

В какую-то секунду я всерьез подумала, что все. Конец.

Это было странное, дикое ощущение. Как будто заигры-

вать с бурей. Всплеск адреналина. А хуже всего, оно мне нравилось.

Внутри свербело «ну же, сделай что-нибудь». Чтобы я могла выступить в ответ.

Вот только Север выбрал игру убивать молчанием. А потом развернулся и сел в машину.

Заработал двигатель. Колеса зашуршали по траве.

А я осталась стоять посреди поля. С пустым ведром.

Глава 13. Счёт равный

Конечно, прежде, чем выкинуть эту выходку, я прикидывала в голове разные версии развития событий. Но варианта, что он вот так молча уедет, признаться, среди них не было.

И как мне теперь до города добираться? Вещи и телефон остались в машине.

Я подняла взгляд, посмотрев на небо. Через пару часов стемнеет. А я стою тут, в этой дурацкой короткой юбке.

По спине побежали мурашки. Желудок сжался.

Я сделала пару шагов вперед. Пустое ведро легко ударило по коленке. Идти в таком виде вдоль дороги – безумие. Но стоять и ничего не делать – тоже не выход.

Дорога была пуста. Обхватив себя руками, я обернулась в одну и другую сторону, пытаюсь понять, откуда мы приехали, и зашагала. С трудом верилось, что происходящее правда. На глаза от обиды навернулись слезы, но я не могла позволить себе расплакаться.

«Нужно просто идти», – убеждала себя я.

Прошло около получаса. Дорога не кончалась, ни единой машины так не проехало мимо, а я начала замерзать. Ветер забирался под воротник и охлаждал коленки. И когда я поняла, это все, конец, показалось, впереди что-то мелькнуло.

Я остановилась. Несколько раз моргнула, увидев свет фар. Сердце застучало.

«Господи, пожалуйста, пусть внутри окажется кто-нибудь нормальный», – про себя взмолилась я. А потом увидела разворачивающийся Астон Мартин.

Нет...

Через минуту он поравнялся со мной. Окно плавно опустилось.

– Чего тебе? – хотела рывкнуть я, вот только дрожащий от холода и страха голос выдавал с потрохами.

– Да так, думал, вдруг нужно чего?

– Ничего мне от тебя не нужно, Северов. Проваливай.

– Как скажешь. Правда пешком до академии часа четыре придется идти.

Я выдохнула, чувствуя, как на глаза накатываются слезы ярости. Но, стиснув зубы, произнесла:

– Дойду, не сомневайся.

– Нет, не дойдешь. – Клянусь, я услышала в голосе усмешку!

Но только открыла рот от возмущения, не успела и слова сказать, потому что Север добавил:

– Ты идешь не в ту сторону.

Я остановилась, прикрыв глаза. Сегодня явно не мой день!

– Ну так что? Подвезти?

Я ни за что не доставлю ему такое удовольствие.

– Отдай телефон.

На удивление молча, Северов протянул мою сумку.

Вдруг вдалеке мелькнули фары другой машины. Она еха-

ла как раз в нужную мне сторону. Главное, добраться до города, а там уже разберусь как-нибудь.

– Чтоб ты знал, – произнесла я, наклонившись к открытому окну. – Я лучше в поле заночую, чем обращаюсь к тебе за помощью. – А потом развернулась и подняла руку, ловя попутку.

Машина оказалась простой. Старенькой модели, с самодельно тонированными стеклами. Проехав пару метров, она скрипнула тормозами и остановилась.

Я шагнула навстречу, но меня тут же отбросило обратно, словно я наступила на оголённый электрический провод, потому что оттуда вышли трое парней. День явно не удался, ведь если и могло быть что-то хуже общения с Севером, то это был тот самый случай.

– Подвезти, красавица?

Фраза была сказана таким тоном, что не услышать в ней мерзкий подтекст было просто невозможно. Незнакомец дернул губами, опустив взгляд к моим голым ногам, а потом растянулся в мерзком подобии улыбки.

– Милое ведро.

Я уже и забыла, что так и стояла, вцепившись в него двумя руками, как в единственную опору. Остальные прыснули.

Один из парней шагнул вперед, и липкий страх разлетелся по венам.

– Не подходи! – выкрикнула я и резко обернулась.

Астон Мартин все еще стоял метрах в пяти по другую сто-

рону у обочины дороги. Могла поклясться, что буквально слышала голос в своей голове. «У тебя нет выбора. Или ты сядешь в машину или останешься здесь. И тебе уже никто не поможет».

Ладно, Север. 1:1.

Отбитым уличным маньякам я предпочла тебя. Можешь гордиться.

И дернула с места так, будто за мной гнались.

Сидеть в одной машине с Северовым было странно. Последнее, что я могла представлять себе пять минут назад – снова оказаться с ним рядом. На этот раз я села спереди, не зная, чем руководствуясь, возможно, чтобы видеть сразу, что он замышлял. А может, просто со страху попутала.

Между нами висела стена неопределённости – словно табло со счетом. И я знала, ничья – не тот результат, который устроил бы нас обоих.

Север что-то выкинет. Вот только что именно, не имела не малейшего понятия.

Мы двигались в обратную сторону, к городу. Я пыталась вспомнить, какой дорогой следовали туда, но не могла разобрать ничего, кроме того, что находились мы где-то на трассе. Наконец, показались дома, и я почувствовала облегчение. А потом Север свернул с дороги, заезжая напрямиком на авто-мойку.

Вот так просто?

Машина остановилась. Мы все также продолжали сидеть внутри. И вдруг Северов нарушил молчание.

– Это Амина, – сказал он, указывая на женщину неопределённого возраста, которая, бросив быстрый взгляд на автомобиль, уже направлялась в нашу сторону.

– Очень рада, что ты знаешь, всех работников по именам.

– Разумеется, ведь эта автомойка принадлежит мне.

Он посмотрел на часы.

– Рабочий день заканчивается в семь. Жаль, сегодня ей придется задержаться. Сама понимаешь, отказаться она не имеет права.

Женщина, намылив пушистую щетку, принялась оттирать плоды моих стараний от капота. А мне вдруг стало не по себе.

– Амина снимает комнату за городом, туда добираться примерно час. Дома ее ждут трое детей. Но благодаря твоим усилиям, сегодня она попадет домой не раньше... – он снова посмотрел на часы, – ... десяти вечера.

Впервые мне захотелось сквозь землю провалиться, сбежать куда угодно. Я даже готова была идти домой пешком, вот только двери машины оказались заблокированы. Внутри грудной клетки все сжалось, как будто в салоне автомобиля закончился воздух. Я хотела вдохнуть, но сделать это смогла лишь с огромным трудом и стыдливо прикрыла глаза.

Наверное, из всех вариантов наказания, Север выбрал самый болезненный.

– Я всегда хорошо относился к обладателям стипендий, – продолжил он. – Мне казалось, уж они-то понимают цену труда. Но... впервые я разочарован.

Опустив взгляд, я уже во второй раз ощутила на себе, каким сильным даром пристыжать обладает этот парень.

Он замолчал. Время шло. Мы сидели в полной тишине, нарушаемой лишь тихим шорканьем по металлу машины. Наклейки оказались цепкие и отходить так просто не собирались. На Севера я не смотрела, лишь иногда чувствовала его взгляд, но упорно не поворачивалась.

– Север... – слова путались, не желая выстраиваться в нормальные предложения. – Позволь объяснить, – попросила я.

Но он проигнорировал.

Я искоса глянула на него, чтобы понять, услышал ли. Но не увидела на лице ровным счетом ни одной эмоции. Опустила взгляд на руки, сложенные на коленях и произнесла:

– Выпусти меня.

– Зачем?

Господи, с какого времени извинения стали даваться столь сложно?

Я прикрыла глаза и прошептала:

– Хочу ей помочь.

Откинувшись в кресло, Север пригладил волосы, запустив в них обе ладони. После поездки к речке, они растрепались, придавая ему непривычно разбитной и дерзкий вид,

который в сочетании с кожаным салоном автомобиля, делал его больше похожим на рок звезду, а не на ученика элитной академии. А потом ответил:

– Нет.

– Но почему? – возмутилась я, аж подпрыгнув на сидении. – Полчаса назад ты буквально заставлял меня мыть эту чертову машину, а теперь я хочу сделать что-то действительно полезное, но ты не позволяешь!

– Во-первых, – я аж вздрогнула, когда он, повернувшись, произнес это. – Выбирай слова, когда со мной разговариваешь. Я тебе не друг и не очередной дворовый приятель, которым ты можешь крутить на раз два, – он щёлкнул перед моим лицом пальцами. – А во-вторых, я хочу, чтобы ты запомнила каждую чертову минуту, когда из-за тебя страдает другой человек. И возможно в следующий раз ты будешь думать.

– Но... – попыталась протестовать я.

– На этом все.

И больше он не сказал ни слова.

Когда машина остановилась у академии, Север приказал: – Иди. Чтобы больше я тебя не видел. – И впервые захотелось подчиниться. Без пререканий.

В комнату я вернулась настолько морально опустошённой, словно не сидела в дорогом автомобиле, а разгружала вагоны с углем.

Ночью толком не спала, ворочаясь с боку на бок. На утро

голова раскалывалась. Но на этот раз не от недостатка сна. Все мысли в ней занимал один крайне странный парень.

Глава 14. Долги надо возвращать (Север)

– Всем привет! Меня зовут Виктор, и я алкоголик.

– Здравствуй, Виктор!

«Видишь, как просто? – развел я руки в стороны, глядя на Макса, словно уговаривая: – Твой черед!»

Он показал мне средний палец, скривился как ребенок, в которого силой пытаются запихать горькое лекарство, – хотя, учитывая какой градус обычно потреблял, сравнение было далеко от правды, – и невесело помахал всем в комнате.

– Хай. Меня Макс зовут. – Вздохнул и выдавил через силу: – Да, и я алкоголик.

Под дружное «Привет, Макс!», я провел ладонью по лицу. Господи, академия мне обязана за это доплачивать. Да и вообще за Макса. Отпусти его одного – как пить дать, сбежит. Вот и приходилось таскаться на каждый сбор его «клуба поддержки», хотя у меня самого никогда не было проблем с какой-либо зависимостью.

Отец в свое время тягу напрочь отбил.

Мне было пятнадцать, когда я не успел пачку с куревом спрятать. Он тогда ни слова не сказал ни мне, ни матери, только довольно улыбался, глядя как я давлюсь десятой сигаретой подряд. Где-то после двенадцатой, этот момент я уже

помнил плохо, меня вывернуло. После этого курить как-то расхотелось. Как и напиваться. Подозревал, поймай он меня, методы будут те же. А то и похуже что.

Лесниченко старший же был полной противоположностью. Иногда казалось, он просто непроходимо глух и слеп. Потому что его сын буквально орал, чтоб на него обратили внимание.

Как маленькие дети, дергают родителей за рукав, как за ниточку колокольчика, постоянно привлекая внимание, он дергал за те нити, на обратных концах которых были привязаны вещи гораздо более опасные. Те единственные, на которые его родители еще хоть как-то реагировали.

«Мам, пап, я в участке за хранение травки...» – и вот тебя заметили. Ближайшее несколько дней твоё имя будут непременно полоскать за ужином.

«Черт побери, этот сопляк снова разбил машину» – и ты на домашнем аресте. К концу недели конечно надоест, зато сколько нервов можно успеть вытрепать.

«Так уж вышло, пап» – просто пожимал он плечами, хотя иногда казалось, когда все прочие способы закончатся, закончится и он сам.

Макс словно жил на груди с плакатом «Вы меня видите? Видите, черт возьми?», который выжигал собственной кровью. Проблема была в том, что они так ничего и не увидели. Зато увидел я.

«Идиот. Идиот», – повторял я себе после каждой его вы-

ходки. Но поздно. Куда теперь от него денешься?

Сдержанно извинившись, я встал и покинул кабинет. Психолог знал, что пришел я за компанию, так что не стал бы говорить против.

«В следующий раз ты пойдешь», – написал я Антону. Тот ответил как обычно немногословно:

«Сам подобрал, сам и таскайся!»

Я ухмыльнулся. Сообщил Максу, чтоб обратно добирался на такси, завел машину и уехал.

Комната в кой-то веки встретила меня тишиной. Макс остался в клинике. Антон не появлялся со вчерашнего вечера. Скорее всего остался у какой-нибудь девчонки. Хотя крутить романы было не в его стиле. Если он и подцеплял кого-то, то прощался так быстро, что не запоминал даже имен.

Сбросив куртку и ботинки, я направился в ванную, чтобы смыть с себя запах больницы. Им было пропитано все, и стоило там появиться, он оседал на теле не хуже, чем табачный дым. Я поежился, чувствуя ледяные капли, но спустя пару секунд вода потеплела, и я шагнул под струи, запрокидывая голову. Перебросил намокшие волосы назад, почему-то вспоминая, как мама просила постричься. Я не делал этого со дня ее смерти. Уже три года.

– Север, ты дома?

Выключив воду, дернул с вешалки полотенце.

– Я разговаривал с одним из парней Ахмета. Отгадай, кто из наших засветился? – крикнул Уваров.

Высушив вторым полотенцем голову, я натянул на себя первые попавшиеся чистые вещи и вышел в комнату. Антон стоял на балконе, разглядывая оставшихся на выходные студентов.

Адель сидела с девчонками с ее курса, склонившись над чьим-то телефоном. Тон как раз смотрел в их сторону.

На другом конце площади новенькая кого-то ждала. Явно нервничая. Потому что каждый раз, когда она это делала, принималась теревить край собранных в хвост волос. Снова небось какую-нибудь мышиную революцию замышляет, – подумал я и почему-то улыбнулся.

– Так что там? – спросил, глядя на то, как из академии вышел Ломовой, а Солнцева побежала за ним следом.

Он шел, не оборачиваясь. Она – хвостом. Поругались что-ли?

– Парни не видели точно. Просто сказали, что кто-то из наших приходил. По описанию на баскетболиста похож.

– На этого что-ли? – кивнул я.

– Да, восьмой номер.

Вот же недоумок. Говорил я ему не соваться!

Теперь, отойдя на приличное расстояние, Солнцева и Ломовой друг на друга дулись. Детский сад «Идиот-Ромашка», ей богу.

– Надо бы проверить.

– Пусть Макс... – начал я, но остановился. – А хотя, знаешь, Тон... – Теперь Диана стояла недовольно сложив на гру-

ди руки. Темная прядь, выбившись из прически, касалась ее щеки. Девушка смотрела вдаль, о чем-то думая. – Кажется я знаю, как все повернуть. А главное, кто это сделает.

Антон повернулся, и хотя я не видел его глаз, знал, что смотрел он прямо на меня. И я ответил:

– У кое-кого передо мной должок.

Глава 15. Больной извращенец

Шариковая ручка едва ли не трещала, так крепко сжимал Пашка вокруг нее пальцы. Включая и выключая снова.

Щёлк, щёлк, щёлк.

– Слушай, ну не обижайся, пожалуйста, – прошептала я, наклоняясь ближе.

Лектор поднял глаза, оглядывая аудиторию, но все сидели, лежали на партах, либо просто уткнувшись в телефон вели себя тихо, делая вид, что слушают.

– Ну Паш. Так вышло.

Щёлк, щёлк, щёлк.

Насупившись, парень даже не смотрел в мою сторону.

Как объяснить, что пока он час прождал меня, чтобы пойти в кино, я проторчала почти до самой ночи в машине Северова?

Я тяжело вздохнула, посмотрев на друга. Весь вчерашний день мы не пересекались, словно он меня избегал. А я? У меня было чувство, что после случившегося из меня выкачали все силы. Выходной я провела на тренировке, стараясь собрать себя по кусочкам.

Сегодня же прошло уже три пары, две из которых Ломовой упорно делал вид, что меня не видит, но на физике отвертеться не смог никак, ведь мы сидели вместе.

Раздался скрип открываемой двери, и в аудиторию загля-

нул незнакомый парень.

– Солнцеву в деканат, – произнес он.

Лектор приподнял руку, молча показывая, что я могу идти, и вернулся к теории.

Я собрала сумку.

– Интересно, зачем тебя вызывают? – обернувшись, шепнула Леся.

Я пожала плечами и, перекинув ремешок через плечо, потихому ушла. Но только успела завернуть за угол, кто-то втащил меня в соседнюю аудиторию, захлопнув позади дверь.

– Что за... – я грубо вырвала руку из чужой ладони, резко обернулась и чуть не подпрыгнула, когда увидела его.

– Господи, ты не человек, а сущий...

– Ангел? – произнёс Север, присаживаясь на край учительского стола.

– Я противоположное хотела сказать вообще-то.

Он фыркнул, как будто только того и ждал. Уголки губ дрогнули от намека на улыбку.

– У меня нет времени. Говори, зачем звал?

– Затем, что мне так угодно, – медленно произнес он.

Я задохнулась возмущением, но только собралась развернуться и уйти, Север, будто почувствовав, поднял вверх ключ от аудитории, явно давая понять, ничего не выйдет. В изгибе его губ сквозило настолько сытое удовлетворение, что аж сводило скулы.

– Надеюсь, ты помнишь, что с тебя долг причитается? Се-

годня у тебя появилась приятная возможность его погасить.

– Все, что с тобой связано по определению не может быть приятным, Северов. Так что говори уже, что тебе нужно.

– Ты.

Он склонил голову набок и добавил:

– Всего лишь свидание.

Я оторопела.

– С тобой?

Это вырывалось прежде, чем я осознала, как отвратительно звучит подобное предложение.

Север дернул углом губ. Точеных, правильных. Красивых. Но при этом его рот был слишком грязным и говорил много гадких вещей. Так что порой хотелось засунуть туда кусок мыла.

– Боже, – вальяжно произнес он. – Ну не со мной, разумеется. С твоим дружкой баскетболистом.

– С Пашкой?

– Именно! Что-то ты сегодня медленно догоняешь, Солнцева. А потом вернешься и расскажешь мне, что происходило, – уточнил он. – В семь у него игра в Университете Эльблонга. – Он протянул мне карточку, на которой был написан адрес.

Совершенно растерявшись, я уставилась в кусок картона в руках.

– Север, ты больной?

Он вернул лишь усмешку.

– Вуайерист? Извращенец? Просто гад?

Я проморгалась, понимая, что ответа все равно не получу, впиваясь пальцами в жесткий картон.

– С чего ты взял, что он согласится?

– Солнцева, я тебя умоляю, – произнес Север отстранённо. – Парень приглашал тебя трижды. И трижды ты ему отказала.

– Как ты..? – но тут же себя одернула, и так ясно. – Чтоб ты знал, он со мной не разговаривает. И все из-за кого?

– Вот и помиритесь. Ни один парень не устоит, если девушка придет к нему на игру.

– Боже... – простонала я, закрывая лицо руками.

– Что, номер восемь настолько плох? – донесся самодовольный голос.

Я начала тихо ненавидеть тот день, когда согласилась на эту дурацкую сделку. Готова была выполнить сколько угодно желаний, лишь бы вернуть все назад, лишь бы мы с Севером никогда не познакомились.

– Ладно тебе, новенькая. Развеешься. Сходишь в кафе. Или в Макдональдс, куда вы там обычно ходите? Я же не заставляю тебе прыгать к нему в койку.

– Какой же ты все-таки мерзавец, – пробурчала я, убирая руки от лица. Север пожал плечами, мол, какой есть. Но с другой стороны, только он один мог пролить хоть какой-то свет на то, что случилось с Алексом, и я произнесла: – Хорошо. Я исполню свою часть сделки. – В конце концов, что

важного может произойти на простом свидании? – В таком случае, откровенность за откровенность. Ты расскажешь про одного парня, что учился здесь два года назад, – закончила я, протягивая руку.

Север ее не пожал.

Многозначительно посмотрел на меня, на мгновенье в его взгляде скользнуло что-то едва уловимое, неясное, но он тут же спрятал это чувство обратно, и ответил:

– Встретимся, когда закончишь.

Распахнутыми дверьми и людским гомоном прозвучал сигнал окончания пары. Север, как обычно, ничего не объяснил. Просто развернулся и пошел прочь.

– Но все-таки, ты больной извращенец, – крикнула я ему в спину.

Он показал мне средний палец через плечо и вошел в поток студентов. Как всегда расступающихся вокруг него. Из-за него.

Глава 16. Свидание

Это была она.

Паника.

Чувство, которому я запретила появляться много лет назад, но которое словно сорная трава по весне все сильнее прорастало сквозь остатки моего самообладания.

Не потому что я стояла посреди чужого университета, облаченная в короткое платье, что само по себе было дурным знаком, а потому что чувствовала подвох. Произошедшее на мойке показало, Север ничего не делает просто так, а значит, что-то случится. Что-то не очень доброе. И лучше быть к этому готовой.

Государственный университет Эльблонга был огромен. Гораздо больше, чем Карточная долина. Это и не удивительно. Ведь он не был рассчитан лишь на элиту.

Игра окончилась победой наших. Студенты галдели и смеялись. Зал опустел, толпа разлилась по коридорам, я последовала за ней, чтобы найти хоть кого-то. И наконец увидела парня, на котором была надета красная форма академии.

– Эй, ты не видел Павла? – постаралась я перекрыть шум толпы.

– Кого? – переспросил парень.

– Ломовой.

– А, Пашка? Он уже ушёл. Наверное, в раздевалке.

Вот же черт! Не хватало его ещё потерять!

Я развернулась, все ещё оглядываясь по сторонам, вдруг тот ошибся, но слышала за спиной:

– А ты та самая Диана?

Я удивленно обернулась.

– Да. В каком смысле?

К нам подошли ещё двое игроков команды. Один из них, глядя на меня, приснул.

– А что фанатки на завтрак не остаются?

Я оторопела.

– Что за тупые подколы? – Против воли почувствовала, как руки сжимаются в кулаки.

– Ясное дело, однодневкой быть неприятно.

– Да как ты смеешь, урод!

Он сделал шаг.

– Что ты там прошептала?

Но не успела я ответить, спиной почувствовала за собой стену.

– Ковальчук, ты че грядки попутал? – рассержено произнес Пашка.

– Ты за этой девкой бегаешь, а она с Севером таскается. Позавчера он её возле кампуса посадил.

– Да как ты... – попыталась вырваться я, но Пашка рукой задвинул меня обратно.

– Не твоё дело, кто с кем таскается, понял?

И тут вовремя нарисовался тренер, погнав всех в разде-

валку. Я выдохнула, глядя как «заботливые» друзья Пашки нас наконец покидают. И остались только мы.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

– Что-то хотела?

– Тебе очень идёт форма, – брякнула я первое, что пришло в голову. Это было правдой. Майка и шорты действительно сидели отлично. – Да, и поздравляю с победой.

Шагнула к нему, но он сделал шаг назад.

– Мне надо в душ, я весь потный.

– А, да, точно. – Я опустила взгляд. Однозначно, с ума сошла, что согласилась. Но отступать было некуда, и я произнесла: – Могу я тебя дождаться? Надо поговорить.

– Хорошо, – буркнул Пашка. – Через полчаса. У выхода.

Глупо заулыбавшись, я кивнула, забрала из гардероба пальто и поспешила на улицу.

Пока ждала, площадь перед университетом опустела. Спустя полчаса команда погрузилась в автобус. Все, кроме Пашки. Он остался. Медленно подошел ко мне и присел рядом.

– Замечательно выглядишь, – произнес он.

– Ты тоже, – вернула я комплимент, несмотря на то, что одет он был в простую куртку и синие джинсы, которые сидели отлично. «Вот что такое классная задница», – как-то сказала о нем Леся. – Поверь, меня буквально силой впихнули в это платье, – улыбнулась я, но радость моя была не долгой, потому что парень произнес:

– Как ни крути, а у Севера есть вкус. Видимо, не только на вещи.

Твою ж мать!

– Ладно, – ответила я, защищаясь. – Мы договорились, друг от друга никаких тайн. Так что лучше я расскажу сама.

И я рассказала. Про машину. Про поле, ведро и про мойку, на которой торчала до самого вечера. Выдала все. Не сказав лишь об одном – причине, по которой находилась сейчас здесь.

– Ну как? Романтично? – закончив, спросила я.

– До одури, – рассмеялся парень. – Вот скажи, как тебе удастся вляпываться в неприятности?

– Легко. Очень легко. Мне кажется, даже усилий прилагать не приходится, – улыбнулась я и протянула руку. – Так что, мир?

Он скинул голову кверху, стараясь не рассмеяться.

– Мир, мир!

– Ну тогда идем. – Вот только уйти мы не успели, потому что Пашку кто-то окликнул.

Незнакомый парень направлялся в нашу сторону.

– Держи, забыл, – и протянул пачку сигарет.

– Точняк, спасибо, – ответил Пашка, засунув ее в карман куртки, а потом, пожав руки, парни попрощались.

– Не знала, что ты куришь, – укорила я, поморщившись. С детства не любила, когда от парней табаком пахнет. – Ты же спортсмен, Ломовой.

– Я делаю это крайне редко. Так, балуюсь. Просто пацаны стрельнули, и вот, решили вернуть.

– Увижу, выкину.

– Да ты грозная, я смотрю, – и он поднялся, предлагая мне руку.

Я не знала, считается ли свиданием наш разговор на лавке и будет ли этого Северу достаточно, но вдруг поняла, что мне хорошо. Тепло и солнечно. И возвращаться в Карточную Долину не хочется вовсе.

– Паш, а может кофе? – предложила неожиданно для себя самой, и уже спустя двадцать минут мы устроились в небольшом уличном кафе неподалеку.

Солнце садилось. Я сидела и думала, что все слишком спокойно и от того не менее подозрительно.

– Слушай, Паш, а ты никому денег не должен? – поболтав ложечкой в кружке, спросила я.

Парень посмотрел на меня, удивленно приподняв брови, и медленно произнес.

– Нет.

– А морду никому недавно не разбивал?

Он поднял руки, словно капитулируя. Ничего не понимая.

– Да нет же. Что за вопросы странные?

И правда. Кажется, у меня началась паранойя.

– Забудь, – махнула я рукой. – Лучше расскажи что-нибудь. На какой позиции ты играешь?

– Разыгрывающий защитник.

Я пожала плечами:

– Ничего не смыслю в баскетболе.

– Но ты же смотрела сегодняшнюю игру.

– Я на тебя смотрела.

Это вырвалось быстрее, чем я смогла сообразить, что именно сказала. И тут же спрятала взгляд, пытаясь скрыть пылающие щеки. Показалось, Пашка сейчас вспыхнет как рождественская елка. Такое воодушевление было написано на его лице. Обещать ему что-то я не имела никакого права, так что сразу решила перевести тему:

– Значит тебя, как и меня, взяли в команду? Поэтому ты учишься здесь?

Он покачал головой.

– Нет, у меня стипендия. Но спорт помогает. Тем, кто в основном составе, делают неплохие поблажки в учебе.

– Тогда ты дважды крут.

Он рассмеялся.

– Выбора особо нет. У меня только мать. Деньги лишними не будут.

– А почему сюда? Почему не в любой другой ВУЗ? Хотя бы тот же Эльблонг?

– Мы живем рядом, – ответил парень. – Мама болеет. Не хотел уезжать далеко. Так уж вышло, что стипендию здесь выиграл еще в школе. И не стал больше рисковать.

– Ты молодец. – Я пихнула его плечом, неосознанно подвинувшись ближе и почувствовала, как он попытался об-

нять меня в ответ.

В общежитие мы вернулись затемно. Пашка не стал провожать меня до комнаты, умчавшись куда-то и, признаться, я облегченно выдохнула, избежав неловкого момента прощания. Теперь я ясно ощущала внутри преграду, не позволяющую заводить новых отношений. Да, я знала, она имеет мужское имя. Александр. И пока не представляла, как от нее избавиться. Вернее, не хотела.

Закрыв дверь, скинула пальто и ботинки, и увидела на столе белый конверт.

– Под дверь закинули, – пояснила Леся, а потом тут же принялась расспрашивать, как все прошло. Только после того, как ее любопытство сыто уgomонилось, я смогла закрыться в туалете, чтобы прочитывать записку.

На небольшой белой карточке аккуратным почерком было выведено три коротких предложения: «Полночь. Фехтование. Малый зал».

Глава 17. Тайны во тьме

Север сидел в темноте у окна. Черный силуэт, подсвеченный светом фонарей с улицы, идеально выточенный словно из льда. Широкие острые плечи, по обыкновению облаченные в черную рубашку, безупречная осанка и мерцающая сталь волос.

Услышав шаги, он резко обернулся, полоснув взглядом по лицу.

Иногда, глядя на него казалось, все происходящее для него не больше, чем игра. Странная и не понятная. Где ему просто доставляет какое-то садистское удовольствие читать людей. Строчка за строчкой.

– Я слушаю.

Пустота зала подыгрывала ему, вибрируя, делая голос глубже. Каждый раз, когда он начинал так говорить, эта бестолковая мышца, называемая сердцем, начинала стучать как заведенная. Выдрать бы ее к черту!

Александр. Вот единственный, ради кого я сегодня пришла сюда.

Пусть уже ничего не сделать, но хотя бы знать, что случилось. И возможно, это знание поможет отпустить и успокоиться.

– Я все расскажу, – опустившись на стопку матов, произнесла я.

Пока я говорила, Север молчал. Иногда задавал наводящие вопросы, но ничего из случившегося сегодня не выглядело важным и значительным. Простое свидание. Двух абсолютно простых людей.

– Ну давай же, Солнцева. Что еще?

Я лишь пожала плечами. «Всё». Важное я сказала. Остался лишь рассказ про семью Пашки, но подобные откровения не входили в мой план под кодовым названием «Провались ты под землю».

Север встал и принялся ходить туда-сюда по комнате, о чем-то усиленно размышляя. Я молча наблюдала за его перемещениями в темноте, почему-то думая о том, что он совершенно не хромает.

А потом вдруг представила его и Адель.

Помолвка. Свадьба.

Казалось, он вообще не из тех, кто заводит отношения. Само слово «любовь» никак не монтировалось к его образу. Ласка, забота, нежность – все это казалось чем-то для его образа противоестественным. Как будто все чувства, что живут в душе, он в себе убил.

– Эй, – пощелкал он пальцами. – Ты там что, уснула?

Я посмотрела в ответ с нескрываемым раздражением. Хотя вряд ли в темноте возможно было его разглядеть, и произнесла спокойно:

– Рада, что моя личная жизнь тебя так увлекает, но иди уже к черту. Больше ничего.

Парень подошел к собственному пальто, порывшись в карманах, и уселся на подоконник, сгибая одну ногу в колене, а вторую вытягивая. Чиркнуло колесико зажигалки.

Я поймала себя на том, что смотрю, как пламя отбрасывает тени на угловатое мужское лицо. Вспыхивает и гаснет. Снова и снова. И вдруг Север перебросил мне что-то.

– Знакомо? – лениво произнес он, даже не поворачиваясь в мою сторону.

Раскрыв ладони, я уставилась на пачку сигарет. Ту самую, что видела сегодня у Пашки.

– Но откуда?

Север едва заметно наклонил голову, словно прислушиваясь. А потом мягко произнес:

– А говорила, рассказала все. Я же предупреждал, Солнцева, что люблю честность. Хочешь дальше я сам? С этого места.

Он выпрямился. Медленно, мягко, словно зверь перед прыжком, расправляющий когти. Обошел по кругу. «Не забывать, что зубы острые», – напомнил разум. Я встала, готовясь защищаться.

– Может кофе? – но слова эти были явно не приглашением. Точно переданной фразой, что я говорила сегодня Пашке. – Ты случайно денег никому не должен? А морду никому не разбивал? – продолжал он, царапая каждой фразой по нервам. Я же не двигалась, словно превратившись в статую, застывшую в невидимом крике.

За окном собрались тучи. Ветер хлыстал по веткам, заставляя стучать в стекла. Погода стремительно портилась, но вряд ли холод наружный мог сравниться с тем, что я ощущала внутри. Север же продолжал:

– В кафе он поставил свой стул рядом, но ты не заметила. Как и руку, которую весь вечер старался пристроить на твоих плечах. Один раз у него даже вышло.

И я почувствовала едва заметное прикосновение к локтю.

– Вы разговаривали о всякой ерунде. Ровно о том же, о чем говорят все на первом свидании. Поднялся ветер. На вечер обещали дождь, вот только ни один из вас не брал зонт. И ты поспешила обратно, хотя он и просил тебя остаться. Накинул на плечи куртку с номером «восемь», вышитым на спине. Слишком рано, я прав?

Пришлось усилием подавить дрожь, потому что каждое слово было правдой. Север будто знал, чувствовал тот дискомфорт, что я ощущала от прикосновения к плечам тяжелой чужой одежды. Знал, как сильно я хотела снять в себя это присутствие.

Но при этом он стоял сзади, копируя позу Пашки. С одним лишь отличием. Слишком близко. Настолько, что я могла слышать стук его сердца.

Моё же, казалось, могло разрушить каменные стены спящей академии. Она даже не догадывалась, какие страшные тайны скрывала во тьме.

Прикосновения как ледяные пули. Едва ощутимое кончи-

ками пальцев к шее. Вверх и вниз. Медленно. Выдох в висок.

– Дальше я могу лишь предполагать.

Я замерла, боясь вдохнуть.

– Он проводил тебя до комнаты сквозь опустевшие коридоры. Остановился у двери, чтобы попрощаться.

Север обошел меня, вставая напротив. Я прикрыла глаза, пытаюсь справиться с собственным телом, которое трепетало и дрожало, словно на ледяном ветру.

– Сделал шаг, неловко переминаясь на месте. Рискнув прикоснуться.

Его пальцы скользнули к горловине кофты, перекидывая мои волосы на одну сторону. Я же не двигалась с места, даже не дыша. И Север произнес хрипло, на выдохе:

– Чего именно ты так боишься? А, Мушкетер?

Его голос одновременно пугал и заставлял все внутри сжиматься, до дрожи. Я подняла голову, чтобы встретить вызов с достоинством. Привычная серо-голубая радужка почти исчезла из-за расширившихся от темноты зрачков, черных словно бездна.

Мы стояли слишком близко. Стоило ему чуть сильнее наклониться и случилось бы непоправимое.

Он ждал?

Дразнил?

Испытывал?

С Севером никогда невозможно быть хоть в чем-то уверенной.

И когда я едва не свалилась в обморок от страха, волнения и желания сбежать, он обхватил меня за талию, притянув к себе и произнес, будто пробуя слова на вкус:

– А потом он тебя поцеловал.

– Нет! – вырвалось против воли. Я наконец отмерла и оттолкнула его, отпрыгнув на несколько шагов назад. – Этого не было! Он даже не провожал меня до комнаты. Его уже у входа кто-то ждал.

– Кто именно? – Север не изменился в лице, но тоном голоса бил словно хлыстом.

– Парень какой-то.

– Имя?

– Да не знаю я. Волосы тёмные, короткие. Родинка на щеке, – выкрикнула я, лишь бы он отстал.

Что-то хищное проступило на его лице.

– Спасибо, – на этот раз Север стелил так мягко, словно шуршавшую листву по осени. Развернулся, подхватил трость и пальто с вешалки.

Что? Куда?

– Стой, – успела схватить я его за рукав. – Я выполнила свою часть уговора. Теперь ты обязан ответить на мой вопрос.

Я вскинула голову. С вызовом, глядя ему прямо в глаза. Надеюсь, что когда-нибудь все то гадкое, что есть в нем, пересилит, и эти мысли о том, насколько он притягателен, в темноте издохнут.

– Не помню, чтобы я давал такое обещание.

Я едва не подпрыгнула.

– Но ты же... ты сказал...

– Нет, Диана, – улыбнулся он мягко и сыто. – Это ты сказала, что готова играть на таких условиях. Я свое согласие не давал. А значит, договора не было.

– Вот же лживый... – прошипела я.

Уголок его губ слегка приподнялся. Скрипнула открываемая дверь.

– Не жди ни от кого ничего, – бросил Север через плечо. – И тогда не потерпишь поражения.

Глава 18. Чёрная карточка

Я хлопнула дверь кабинета физики так, что штукатурка посыпалась. Потому что его не было на паре. Моего лучшего друга. Моего Павла.

С самого утра я написала ему три сообщения, но он не ответил. Попробовала набрать, но слышала лишь гудки. Поэтому, не в силах больше ждать, решительно отправилась в мужскую общагу. Вот только по дороге слышала ругань.

– Что здесь происходит?

Я попыталась протиснуться вперед, расталкивая стоящих впереди зевак, и вдруг увидела Пашкин затылок.

– Карточка, – шептались вокруг.

Страх окатил ледяной волной. Нет. Нет. Только не это.

– Куда? Куда его забирают? – выкрикнула я. Кто-то схватил меня за руку. Леся.

Я принялась вырываться. Но ее хватка стала только сильнее. «Пожалуйста, не делай глупостей», – умоляли ее глаза.

И тут я увидела его. Человека, который один был ответственен за весь хаос, что происходил в академии. Он стоял, сложив руки за спиной, на миг став частью толпы, словно когда хотел казаться невидимым, даже это было ему подвластно.

Каждый взгляд, который он ронял свысока на моего друга, которого уже увел куда-то Страж, не выражал ровным сче-

том никакого беспокойства. Мой же был в состоянии метать молнии.

– Ты знал. – Я дернулась вперед, в миг оказавшись напротив Северова, не замечая, как голос скатился в шипение. – Ты попросил не просто так... ты... да ты...

Я стиснула зубы крепче, чтобы не накинутся на него прямо здесь, при всей толпе. Руки дрожали от злости и ощущения собственной беспомощности.

Стало так стыдно, потому что выходит, я предала собственного друга. Ради чего? Ради кого?

– Я предупреждал тебя, – произнес Север. – А с теми, кто упорно не слышит предупреждений, у меня разговор короткий.

То, с каким он говорил цинизмом, буквально выворачивало наизнанку.

– Он ничего не сделал!

– Это не тебе решать, – процедил Северов. Раздражение вибрировало между нами, рассыпаясь жалящими искрами. – Исчезни, пока и тебе не досталось. – А потом схватил за запястье. Я посмотрела ему в глаза. – Я не шучу сейчас, Диана. Ты поняла?

Да как он смеет!

Я вырвалась из захвата и обернулась в поисках помощи. Но никто, ни один не сделал и шагу, чтобы помочь. Как же меня раздражали эти молчаливые наблюдатели. Способные лишь безразлично смотреть, как рушатся чужие судьбы.

– Знаешь что, Северов. А ни катился бы ты к черту! – произнесла я громко. Ну же, что ты мне сделаешь?

Я не знала, откуда взялось столько смелости. Может от того, что друга не смогла уберечь, может просто надоело играть в эти глупые игры, но я сделала шаг вперед. Впервые не прячась и не дрожа. Угрожая.

И вот тогда он протянул мне первую желтую карточку.

По толпе пополз тихий шепот.

– Ты не имеешь права! – ответила я, пристально глядя ему в глаза. А потом совершила то, что не позволял себе никто в этом заведении. Медленно сжав кусок картона в ладони, смяла его.

В коридоре стояла такая тишина, что слышен был даже хруст бумаги. Я подняла руку над стоящей рядом урной и раскрыла ладонь, отправив предупреждение туда, где ему место. В мусор.

Север смотрел на меня так, будто его это забавляло. Спокойно подошел ко мне почти вплотную. Я задержала дыхание, чувствуя, как пульс заколотился, а потом подняла взгляд, встречая его – испепеляющий.

– А если так, – он достал из кармана другую, теперь уже красную, и все так же, не отводя глаз, опустил ее в мой нагрудный карман.

Запугать решил, значит? Не может он быть всесильным.

Я нужна этому колледжу и их команде больше, чем они мне. Он не сможет мне навредить! За меня заступится тре-

нер!

И тогда я достала карточку, разорвала на мелкие кусочки, наслаждаясь моментом, и швырнула ему в лицо.

Кто-то вскрикнул. Как если б я выдернула чеку, запуская отсчет перед тем, как все разлетится на куски.

Лишь на мгновение в глазах напротив промелькнула ярость, но тут же погасла, скрывшись за ледяным равнодушием.

Медленно, растянувшись в кошачьей ухмылке, Север ото двинулся и едва заметно подал знак вернувшемуся Стражу.

– Ты сама решила, – мягко произнес он. А дальше все произошло так внезапно, что я не успела даже опомниться. Северов развернулся. Антон скрутил за моей спиной руки.

– Стойте! Я никуда с ними не пойду! – крикнула я, вырываясь. – Помогите мне! Кто-нибудь!

Только все вокруг стояли, не решаясь и шагу сделать.

– Позовите моего тренера! Декана!

Последнее что я помню, как к подошвам моих туфель опустилась черная карточка.

Меня потащили к выходу, как будто я не весила ровным счетом ничего.

– Иди спокойно, тебе же будет проще, – встряхнул меня Страж.

– Вы не имеете права!

Мерзкие слезы тут же защипали глаза. Нет, не дождутся, я не стану перед ними унижаться. А потом и это стало не

важно, потому что кто-то накинул мне тряпичный мешок на голову, затолкав в машину.

Темнота, такая же черная, как и рубашка карты. Вот значит, что они видят перед смертью.

– Раз ты так хотела, я покажу тебе, что делают с теми, кто нарушает правила, – раздался сбоку холодный голос. И машина двинулась с места.

Глава 19. Правду наружу!

Запах.

Тяжелый и давящий.

Первое, на что я невольно обратила внимание.

В месте, куда привез меня Север, пахло свежевыкрашенными стенами, формалином и смесью лекарств. Тот случай, когда понимаешь, так пахнет в больнице, хотя точно и не знаешь, чем. И хочется сбежать поскорее, потому что внутри просыпается какой-то бесконтрольный страх, что двери закроются, а ты останешься здесь навечно. Если бы не одно «но».

К запахам здания примешивался еще один – не менее различимый, запах Севера. Смесь из стирального порошка, шлейф туалетной воды и чего-то мятного. Он шел рядом, крепко схватив меня за локоть. И чем дальше мы двигались по узкому коридору, тем сильнее все сжималось от страха. Я стянула с глаз повязку еще в машине, как только парни вышли, но так и не смогла понять, куда меня привезли.

Узкие зеленые коридоры и двери... камер?

– Где мы?

Но Север молчал, а я гадала, почему. Только когда он остановился у одной из металлических дверей и повернулся, увидела, как под ледяной маской блеснула ярость.

– Смотри, – сказал, грубо подталкивая к крошечному

окошку в виде решетки. Я встала на цыпочки, чтобы видеть.

По ту сторону двери находился парень, совсем молодой. Свернувшись на койке, он смотрел в стену. Под его глазами залегли тени, а лицо настолько исхудало, словно бедняга не ел пару дней к ряду. Что-то подсказывало, так и было.

– Вот этому всего девятнадцать, – процедил Север. – Я привез его десять дней назад.

Он так разозлился, что казалось еще минута и стены снесет волной его гнева, а я молча стояла, обхватив себя руками, ожидая своей участи.

– Наркология. Не строй из себя идиотку, что не догадалась, что это за место.

– Что? – пискнула я, все еще не веря в происходящее. Понимание обрушилось на голову словно небосвод. Вдруг все стало таким простым и логичным. Как в детских загадках, когда тебе заранее известен ответ. Вот же он – лежал на поверхности.

Парень в камере обхватил себя руками, словно его бил озноб. Я вся сжалась. Глядя на это место, даже меня начало ощутимо ломать и захотелось убраться отсюда. Да поскорее.

– Большинство начинает с травки, – с отвращением произнес Север. – План⁴, гашиш. Им кажется, фигня. На один вечер. Но не замечают, как следом подтягивается экстази, мет⁵, а потом и кокаин. Там, где крутятся большие деньги,

⁴ Марихуана

⁵ Метамфитамин

всегда следом появляются дурь. И чем больше этих денег, тем быстрее она окажется в твоём кармане. Своего рода закон.

К горлу покатила тошнота. Я отошла на два шага, опираясь на холодную стену. Дрожа, как осиновый лист, все еще сжимая в кулаке кусочек красного картона, угодивший в рукав блузы. Теперь я смотрела на него совершенно иными глазами.

– Значит, вот для чего нужны карточки? – прохрипела я, все еще боясь поднять взгляд.

– Красная для тех, кто когда-то был пойман с дурью, – ледяным тоном ответил Север. Я зажмурилась, до белых кругов под глазами, ненавидя себя за то, какой была глупой все это время. – Они попадают сюда. Кого надо лечат, но большинство удастся поймать на первой паре доз, когда зависимость еще не развилась. И тогда я помогаю им узнать, какие непередаваемые ощущения их ждут, если они не уйдут в завязку.

– Каким образом?

– Они остаются здесь на три недели. Помогать. Большинство не возвращается. Те же, кто решается – молчат. В своих интересах.

В другом конце коридора из одной палаты в другую прошагал врач. Удивительно, но он нас не выгнал, не поинтересовался, что мы здесь делаем. Словно наше присутствие было совершенно обыденным. Как много людей Север сюда

привез? Сколько человек прошло через это место, наводившее липкий ужас, потому что так было не похоже на современные частные клиники.

– И работает? – прошептала я.

– Еще бы. Поприбираешь пару недель чужую блевотину, насмотришься на корчащихся на полу от ломки, желание закинуться надолго пропадет.

– А черная? – спросила, наконец решившись поднять взгляд.

Лицо Севера, итак не блещущее здоровым румянцем, еще сильнее потемнело.

– Для таких, как твой парень, – сдержанно произнес он.

– Он не мой...

– Плевать. Обычно их называют «дропы». Посредники.

– Боже, Пашка. – На голову словно вылили ушат воды. – Он не мог оказаться замешан в подобном.

– Святая наивность, – процедил Север, а потом scomандовал: – Идем. – И я трусливо подчинилась, молча следуя за ним к машине.

Когда мы выехали от диспансера, все же решилась спросить:

– Что с ним теперь будет?

– Лучше тебе не знать, – отделяя каждое слово, произнес он. – Прими как факт, что ты его не увидишь больше. По крайней мере в академии.

Север молчал, а я все еще пыталась уложить в голове про-

изошедшее. Работа его системы с карточками была настолько выверена, что становилось понятно, она создана давно. В курсе руководство, преподаватели, даже работники больницы не смотрели на нас как на посторонних.

Сколько слухов родилось и умерло в стенах Карточной долины. Одни абсурднее других. Вот только сейчас в голове впервые не укладывалось, зачем Северов делает это. Грязная работа. Никем не ценимая. К тому же неблагодарная. На его месте, я бы давным давно оставила мажоров разбираться с их пагубными привычками самостоятельно.

Вот только Пашка...

Как он мог так глупо повестить на легкие деньги?

Я прикрыла лицо руками. К тому же сама, выходит, его поимке поспособствовала. И кто теперь ему поможет?

– Север... – но ответом послужило привычное молчание. Он был зол. Я много раз выводила его из равновесия, но никогда не видела таким. – Пожалуйста, – взмолилась я. – Дай ему шанс. Я поручусь. Он хороший парень, правда. Просто у него мама болеет. Вот увидишь, он исправится.

Но не успела договорить, машина резко затормозила у обочины. Я впилась руками в ремень, в поисках хоть какой-то защиты.

– Я скажу один раз, – произнес Север серьезно и без эмоций. – Никогда не пытайся торговаться со мной. Тем более сейчас.

Я вжалась в кожаное сидение. Было страшно. Но страшнее

оказалось думать о том, что случится с другом.

– Дай мне поговорить с ним, – попросила я. – В последний раз.

– Нет.

Его сдвинутые брови явно говорили, что мольбы мои – бесполезны, но попробовать все же стоило. Сделать хоть что-то.

– Зачем? – вдруг спросил Север. – Ты ему уже не поможешь, так какой смысл?

– Я просто до сих пор не могу поверить. Вдруг это ошибка?

Он закатил глаза.

– Вдруг его подставили и на самом деле он не виноват? Вдруг...

Север перебил:

– Ладно. Только не реви потом, что тебя не предупреждали.

Я не знала, куда мы приехали. Вокруг был уже пожелтевший лес, сквозь который проглядывали едва протоптанные тропинки. Север шел молча. И когда остановился, я увидела бетонную коробку. Склад, или большой гараж, без окон и с одной единственной дверью в центре. Жуткий и своим видом наводивший ужас.

– Это вообще законно? – спросила я.

Он бросил на меня уничтожающий взгляд сверху вниз и

открыл скрипучую металлическую дверь.

– Ровно настолько же, насколько торговля наркотиками. Ставки равнозначны, не находишь?

Я глубоко вдохнула, шагнула внутрь, но так и застыла у порога.

Север подтолкнул в спину.

В центре комнаты на старом деревянном стуле сидел парень. Его руки и ноги были привязаны. Лампы чадили, освещая лишь часть комнаты тусклым светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.